

Игорь Васильев

Андрей Семёнов

КОЧЕГАРСКИЕ ХРОНИКИ

18+

Андрей Семёнов
Игорь Васильев
Кочегарские хроники

<https://litres.ru/73226263>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-89059-6

Аннотация

"Кочегарские хроники" - это грустная исповедь о жизни в 90-х. Далекая эпоха, когда не было интернета, сайтов знакомств и мобильной связи.

Чтобы пообщаться люди ехали на другой конец города, ходили в походы, собирались на кухне... И разговаривали.

А что необходимо для честного и открытого общения? Благородный напиток и хорошая закуска! Желательно - первого побольше.

Когда в мире и в стране происходят непонятные события, молодые люди - герои повествования - пытаются создать собственный мир.

Завершает роман интервью Б.Н.Стругацкого, собственноручно им "подправленное" для издания в этой книге.

Содержание

Предыстория	4
История	9
Пролог	15
Хроника № 1	19
Хроника № 2	31
Хроника № 3	50
Хроника № 4	66
Хроника № 5	86
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Андрей Семёнов, Игорь Васильев

Кочегарские хроники

«Не смещайте нас кризисом»

Из разговоров на лоджии.

Предыстория

Не сомневайся, о, трезвомыслящий читатель, в достоверности событий, описанных ниже. Будучи знакомы с Антоном Борисовичем Комиссаровым лично, мы, глядя друг другу в глаза, заверяем: он никогда не врёт... По крайней мере, половина рассказанного – чистая правда... Небольшие пятнышки на этом светлом полотне истины – не в счёт.

А если и после наших искренних слов тебя не покинули сомнения, то остаётся признать, что, возможно, ты и прав. Во всём, кроме одного. Это происходило раньше, имеет место сейчас и, сменив имена, города и время, будет свершаться в дальнейшем. Невзирая на наше к этому отношение. И даже твоё, любимый и уважаемый читатель.

Ведь ты наверняка сейчас кем-то любим? По крайней мере, уважаем? Если и в этом не уверен, поступи так, как де-

лаем мы. Прими на двоих семьсот грамм просветительного напитка, после чего добавь на своё усмотрение и, взяв собутельника за грудки, грозно спроси: «Ты меня уважаешь?» Ответ развеет все сомнения, что вечно терзают трезвые души и обезвоженный разум.

Именно так собирались поступить и мы, когда в последний раз виделись с Антоном. Не догадываясь о том, что встреча прощальная, мы обрадовались ему не вполне искренне. Да и не обрадовались вообще. А как бы ты повёл себя, о, многотерпимый читатель, когда стол любовно сервирован на последние деньги. Где присутствовали: баночка кильки в томате, огурчики маринованные, маленькие, но вполне крепкие, полбуханки чёрного хлеба, который и есть можно и занюхивать им неплохо, да мелконарезанное сало, не очень солёное, но мягкое. А спирт, в меру разбавленный, только-только вынут из холодильника, и скромная часть его разлита по рюмочкам, к которым ты протянул дрожащую руку. Как вдруг раздаётся звонок и в дверном проёме показывается писатель с рукописью (и ТОЛЬКО с рукописью!) «наисвежайшего шедевра отечественной литературы, мастерски написанного с ноября по май».

Мы вздохнули.

Какой автор не назовёт последнее детище, рождённое в творческих муках – шедевром? А вдумчивый критик признает сию глупость при условии, что нет у них взаимных финансовых претензий? Тебе, привередливый читатель, это из-

вестно лучше, чем нам.

Антон же, не обращая внимания на взгляды, не всегда одобрительные, шутил, требовал чаю, не забывая самостоятельно наполнять рюмку благородным спиртом, который стремительно не прибавлялся. А в середине очередной байки прервался, окинул задумчивым взглядом наши небритые лица, молча оделся и вышел. Он всегда был таким. Приходил не званным, уходил, не прощаясь – «джентельмен аглицкий, с берегов туманного Мухозвонска».

* * *

Спирт ещё оставался. Мы заварили чай и, обсудив несколько мелких вопросов, прикоснулись к оставленному Антоном «шедевру».

По очереди, листок за листком, мы прочитали его и прервались под стук колёс первого трамвая.

Что сказать? Мы не критики. Нам просто понравилось, и мы не сразу заметили записку, выпавшую из рукописи. Приводим её дословно.

«Мужики!

Между нами была шутливая договорённость: «обрабатывать» труды друг друга и в законченном варианте публиковать под своими именами. Однажды я воспользовался этим правом и, в свою очередь,

предлагаю «Хроники». Сможете из них что-нибудь выжать – пожалуйста. Успехов в работе!

Антон

P.S. Может быть, это была наша последняя встреча, я не знаю. Но не теряю надежды встретиться ГДЕ-НИБУДЬ снова!»

«Что ж, – сказали мы, – это заслуживает внимания».

И взялись за работу.

Добавлять и перерабатывать нам пришлось по минимуму.

И вашему вниманию всё предстаёт почти таким же, как и нам.

Читай, читатель, наслаждайся, если найдёшь чем. Плюйся, если найдёшь где, а мы пошли пить чай с водочкой, полностью уверенные, что ГДЕ-НИБУДЬ обязательно встретимся с Антохой.

* * *

Откуда взялась водочка? Этот вопрос сразу всплывает в твоём возмущённом разуме, всё подмечающий и зрящий в самый корень проблемы, наш невидимый, но всё видящий критик. А мы разве не сказали? Между сто двадцать четвёртой и сто двадцать пятой страницей рукописи лежала прекрасная закладка с водяными знаками. Благодаря ей рассвет казался не таким серым, а предстоящий день – по-настоящему

му добрым и ласковым. Хотя бы в этом согласись с нами, уважаемый...

История

Я одинок. Это не попытка выжать слезу сочувствия из ваших глаз, – мужественных или прекрасных. Не стремление познакомиться с жалостливой библиотекаршей, чтоб скоротать ночь. Просто – я одинок. Давно и, надеюсь, надолго.

Меня это устраивает.

Людей, которые трудятся в котельной, – тоже, потому что можно поменяться сменами, а то и вовсе не прийти: я добрый, роптать не стану...

И я пишу. С тоски, с вдохновения, от голода, со смеха... С похмелья опять же. В подобном состоянии полёт фантазии достигает очень высоких сфер!

Однажды барышня, что случайно заночевала у меня, спросила:

– Вот ты, Комиссаров, человек неглупый. Кое в чём разбираешься. И послушать тебя интересно, и вообще... – она изнеженно потянулась. – Скажи-ка, гений пустых бутылок, отчего не сходишь в магазин и не купишь пол-литра бархатного пива?

В это время я сосредоточенно пишу, пытаюсь проигнорировать вопрос. Но белокурая искуссительница не унимается.

– Почему ты, вольнодумец кочегарской братии, не залёшь пожар в страждущих душах – твоей и моей?

Последняя ниточка великих мыслей ускользает и мне

приходится отвечать.

– Потому госпожа обнажённая, что я считаю недостойным оскорблять полёт мыслей с похмелья ничтожными дозами пива. Лучше заварила бы чайку и устроила танец живота. Меня это на романтический лад настраивает.

Госпожа демонстративно фыркает и одевается.

– Извращенец! – бросает она в моё опухшее лицо и уходит, хлопнув дверью.

Я завариваю чай, выкуриваю папироску и, нить былых рассуждений возвращается ко мне.

Я пишу «Кочегарские хроники». «Почему – спросите вы – «кочегарские» и тем более «хроники»?»

А почему нет? Имею полное право.

– Конечно же, Антоша, кто в этом сомневается, – отвечает мне внутренний Голос и добавляет: при условии, что у тебя есть талант.

– А он у меня есть? – любопытствую я.

Внутренний Голос молчит – знак согласия.

– Ну что же, – наконец откликается он, – наверно, стоящее название. Взять хотя бы кочегарских хроников-людей. Есть всякие: уличные, домашние, дворовые. А у тебя конкретно и с достоинством – кочегарские. Красиво. Или «хроники», в смысле «новеллы» – вообще замечательно. Главное – как у великих писателей старины...

Голос удаляется – он не хочет мешать; знаю его, подлеца, его хитрости известны наперёд.

Вторая папироса, свежий чай, дело уверенно движется вперёд. До чего же приятно заполнять своими каракулями девственный лист бумаги. Уноситься к своим героям, открывать дверь в неизвестное и – о, проклятье – возвращаться в обычную суету. Глупо смотреть на надоевшие обои, с трудом понимая, что делаешь здесь, в этом захолустье, на самом краю Галактики?!

– Ты что на работе, что в писании, будто наркоман, – говорят мои коллеги – кочегары. Хотя, выражаясь официальным языком, мы – операторы котельных установок.

– А вы, – улыбаясь, отвечаю им, – вы разве не наркоманы вашей душевной прожжённой жизни?

– Не-а, – вяло возражают они, – мы расслабляемся.

– Ага, – киваю я, – каждый день, от получки до аванса и от аванса до получки. А когда же, позвольте спросить, напрягаетесь?!

Коллеги некоторое время уязвлённо молчат, выпивают по полстакана и отвечают:

– Всё равно ты – наркоман.

Я прикуриваю от их сигарет и, пуская струю дыма, говорю: «Я свободен от всего этого, господа. Могу писать, а могу не писать. А вы, достойные хранители и наследники древней профессии, способны непринуждённо отказаться от огненной воды, совершить переворот в судьбе и мировоззрении?!»

Коллеги молчат. Пьют. Подтверждают: «Да, Антоха, ты

прав. Давай за это!..»

Я выпиваю и пишу. Пишу, пока не затекает рука и не слипаются от усталости глаза...

Глядя со стороны, можно сказать, что я могу творить только на бумаге. Это не совсем верно.

Вон видите, в углу за старым сервантом, стоит моя самая непревзойдённая прелестница о шести струнах. Ни одна из ночевавших в моей клетушке барышень не может дать такого наслаждения, что дарит потрескавшаяся, с истёртыми ладами гитара. О, как ревниво смотрят на неё хранительницы человеческого рода, когда ко мне приходит вдохновение и я, отринув плотское, прижимаю мою единственную подругу к сердцу. Трогаю струны и изливаю из души самое сокровенное.

Иногда это проходит быстро, а временами затягивается на часы. Тогда соседи, эти безжалостные гонители искусства, стучат о батарею и нецензурно ругаются... Я прощаю их. Что моя тоска, коли их новый «Панасоник» с кинескопом 60 см по диагонали является главным и основным передатчиком великой сути жизни.

Временами, когда очень холодно и нет денег на хлеб, я пью несладкий чай, читая книги. Это, пожалуй, вторая после гитары ценность, которой могли бы разжиться воры в моей квартирке. Но они книг, почему-то не читают. Во всяком случае, за три раза, что они наведывались в моё отсутствие, не взяли ни одной. А зря. Здесь есть хорошие изда-

ния Есенина, Цветаевой, прекрасные высказывания Конфуция и Шри Ауробиндо, тома великих просветителей человечества – Гессе, Ричарда Баха, Густава Майринка, Мейстера, Экхарта. Словом, всё то, что мне помогает, даёт силы и энергию. Поддерживает в трудные минуты неуёмной вибрирующей жизни.

Иногда депрессия и страх сковывают своими клещами моё хрупкое, утончённое естество, и ко мне приходит внутренний Голос. Мы общаемся, как брат с братом. Наши душевные беседы давным-давно стали основой для творчества.

* * *

Как-то раз, в одну из таких бесед-рассуждений, я спросил: – Ты, невидимый и великий праведник, приходишь, советуешь и уходишь. Всё у тебя получается правильно, я бы даже сказал, искренне. Неужели ты на самом деле такой?

– Разумеется, – отвечает он уверенным тоном.

– И никогда не бывает скучно? – Уточнил я на свою голову.

– Мне бывает печально, не более. Каждый выбирает свой путь. Свернуть с него – значит, крупно и бесповоротно проиграть.

– Проиграть можно в том случае, – отвечаю, а у самого в голове кутерьма, мысли вразброд, что даже неприятно немного, – если хоть раз в своей жизни сыграл.

– А с кем мне играть кроме тебя? Да и неинтересно... –
Голос призадумался. Мне даже показалось, что он ушёл. –
Ты знаешь, а давай.

– Что? – Это был самый глупый вопрос. Вот почему я тогда не промолчал?

– Сыграем. – Просто ответил он. – Поменяемся с тобой местами...

– Давай, – легкомысленно улыбнулся я и...

Пролог

Дело было так...

Я тогда на главных* котлах работал вторым номером в котельной на территории секретного предприятия. Шум невыносимый, жарко, влажно. Прямо субтропики. Старшой спит (впрочем, кочегары* редко спят, обычно – отдыхают) в мужской раздевалке. Аппаратчица покинула нас с полчаса назад – ушла в гости в другую котельную и скоро не появится.

А я молодой, спать хочу, ибо предыдущую ночь вообще не смыкал глаз. Котла и прилегающих к нему причиндалов, называемых «вспомогательными механизмами»*, не знаю, поэтому ещё и страшно. Старшому – то что? Пришёл, окинул цепким взглядом мои кудри и пошёл допивать то, что не допил перед проходной. Минут через двадцать возвращается и смотрит лукаво:

– Если что, котёл остановить сможешь?

«Если что» – это масса всевозможных случаев, узаконенных инструкцией, когда необходимо действовать очень-очень быстро, порою – в темноте. А, поскольку я человек здесь, можно сказать, новейший, то стараюсь отвечать честно.

– Нет.

Его, естественно, искренность моя не устраивает, и он возражает.

– Да, чего ты мне здесь лепишь?! – и смеётся. – Или объяснить?

Он добрый, потому что знает: между фильтров* стоит заветная беленькая, с помощью которой он может за пять минут объяснить, как останавливаются не только наши, но и все котлы в мире.

Мгновенно решив, что лучше – слушать объяснения или бороться со сном, я выбираю второе. Удовлетворённый, он плавно удаляется, а я сижу, тупо уставившись на колонки с водой*, попиваю чаек и пытаюсь решить жизненно важную проблему: когда необходимо действовать очень-очень быстро, что делать? Спасать старшого и оборудование или же бежать куда-нибудь без оглядки? Балансирую между сном и явью, поддерживаемый чаем и инстинктом самосохранения.

Вдруг заходит в котельную мужичок лет сорока пяти в спецовке дежурного мастера* с газеткой в руках, садится рядом и пристально смотрит в глаза. Они у него бездонно-серые, мягкие и, что главное, трезвые.

Вообще-то, вход к нам разрешён только десяти – пятнадцати лицам, да и то «в сопровождении и с разрешения». А ночью круг посетителей сужается до трёх. Но я знаю об этом понаслышке, и сердцебиение учащается.

– Вы – дежурный мастер? – тихо спрашиваю.

Вошедший мотает головой.

Пульс интенсивно увеличивается. Если не дежурный, то-

гда кто? Инспектор? Диверсант?? О, необузданное воображение!

Незнакомец приходит на помощь – наклоняется к уху и шепчет:

– Я ангел, дурачок ты эдакий. Не надо меня бояться.

– Ага, – не верю я, а страх перерастает в ужас. – Не бывает ангелов с газеткой. Я знаю.

Он опять шепчет:

– А какие они бывают, Антошенька, ангелы-то?

– Они большие и с крыльями. – Я храбрюсь, пытаюсь показать с какими именно.

Ангел улыбается мне и становится таким, как я сказал.

– Лучше? – спрашивает он.

Я, вжимаясь в стул, соглашаюсь. Хотя никогда не видел живого ангела.

А он опять рядом со мной и треплет по плечу.

– Ты совсем душу в пятки загнал.

Я справляюсь с ужасом и глубоко вздыхаю.

– Да нет, не испугался я, просто необычно это...

– Конечно, – ангел смеётся и разворачивает газету. – Это тебе.

– Спасибо, – говорю, – попозже почитаю.

И здесь, смятенный и кроткий, спрашиваю:

– Но ведь не затем же ты явился, чтобы газеты раздавать?

– Верно, – подтверждает ангел, читая в моём горячем взоре следующий вопрос. – Писать ты, Антон, будешь. Много,

по возможности правдиво. Познавать в то же время, и познаёшь, если... – ангел замолкает.

– Что?! Что?! Скажи мне, посланник!..

Но никого рядом нет.

Я лихорадочно роюсь в столе, отыскиваю стопку тетрадных листов, выдёргиваю из вахтенного журнала* замусоленную ручку, замираю, немея от захлестнувших мыслей. Мимолётным взглядом, параллельно с вихрем снизошедшего с небес откровения, читаю первую попавшуюся на глаза фразу из газеты:

«...Всё, что он напишет, может, будет мудростью, но ему самому этого не суждено понять никогда...»

Вот тут-то ручка и воссоединилась с бумагой.

Хроника № 1

– Антоха! Поддай вот сюда, где на кирпичах сажи поменьше!.. Да нет!.. Дай я сам...

Лёшка выхватил алюминиевую кружку из моих рук и, зачерпнув из старого оцинкованного ведра, плеснул на правую сторону топки. Вода, мгновенно превращаясь в пар, ускользнула вверх, увлекаемая естественной тягой, и только какая-то её часть достигла нас. Но этого было вполне достаточно, чтобы бисеринки пота обильно выступили по всему телу.

– О-о-х! Дошло!.. – Лёха сунул кружку обратно и, задрвав вверх подбородок, окаймлённый знаменитой на весь котельный участок «шотландской» бородой, стал яростно нахлестывать грудь свежим дубовым веником. – А... Ах!.. Ах!.. Ох!.. Хорошо!..

Иван прищуренными глазами (36-вольтовая лампочка, конечно же, не могла осветить всю топку) смотрел и покачивал головой. Мазохизмом человек занимается, разве же можно себя так истязать!

Я же, побрякивая от волн горячего воздуха, наступающих с каждым взмахом веника, поворачивался то одним, то другим боком, осознавая, что парилка в топке котла не такое уж необычное дело.

Идея сауны в котельной присутствовала всегда, поскольку

ку любой мужской разговор, так или иначе, касался этой темы. Несколько раз предпринимались вполне настойчивые попытки к её воплощению, но на второй стадии, когда от слов приступают к делу, начальство ставило барьеры: то пожарные могут за это поиметь, то вышестоящее начальство, потому что не предупредили, в плане этого нет, инструкцией не предусмотрено. И так далее и тому подобное.

Идею похоронили, инициативу застопорили, а зачинщиков – Комиссарова и Лойку – бросили на аварийные ремонтные работы в Центральную котельную. Работа не то чтобы тяжёлая, но жаркая – полетела трубка*. Не буду вдаваться в процесс необходимых действий – ни к чему. Но как к ним приступить, если кучу железа, что называется паровым котлом и выдающим этого пара по 50 тонн в час, остановили сто двадцать минут назад?!

Вот и сидим за столом, чешем головы, размышляя, а нужно ли нам это всё, включая и сверхурочные, что обещали вроде как по двойному тарифу...

Сверху с «командного» этажа, спускается Лёша – «младший помощник старшего дворника» – мастер. Должность вроде бы ничего, но, как говорится, снизу ругают, а сверху дают.

– Чего сидим?

По тону и вопросу становится ясно: он с нами, в смысле – поработать. Ценные указания раздать, руки испачкать. Судя по блеску в глазах, сегодня ещё и в котёл полезет – как пить

дать. Или выпить?

Иван красноречиво разводит руками – горячо.

– А топку чего не открываете?

Вопрос предполагает ответ. Встаём, сдёргиваем люк, скручиваем десять гаек, снимаем крышку.

– Готово, начальник.

Лёша разматывает переноску и осторожно заглядывает в зияющий квадрат семьдесят на семьдесят сантиметров.

– Да... Жарковато. Хоть парилку устраивай... – его слова наполовину унеслись в топку, но другая-то часть осталась снаружи!

Иван медленно поднимает брови вверх, и не быть мне на этом месте, если у Архимеда было другое выражение лица!

– Эврика!

Поскольку я знаю Ивана уже лет семь, то буквально предугадываю его следующие слова:

– Веничек бы хорошо...

Лёша оборачивается и, растягивая лицо в улыбке, говорит:

– Вы это бросьте, мужики. Работать надо, ра-бо-тать, – по слогам, чтобы все лишние концепции сразу отпали.

Но тема возникла и мало-помалу уплотнялась; не без усилий Ивана и моих, конечно.

– А у меня там, в кармане, кое-что бренчит. Могу сбегать... – издалека начинаю я, хотя пить совсем не хочется, но вот после...

Ванечка более конкретен и прямолинеен.

– Алексей Геннадьевич, какие проблемы? Быстро-быстро делаем работу, паримся с веничком, освежаемся в душе... – он уже парится в мыслях и потому начинает смаковать отдельные моменты. – А в посадке дубки молодые растут, и Антоха не поленился сбегать. Представляешь, из топки – и по рюмашечке, по ма-а-ленькой, для поднятия тонуса...

Лёшка внимательно смотрит на нас и, усаживаясь на любимого начальственного конька, твёрдо отдаёт приказы.

– Так, Антоха, давай на проходную. Иван, постели в топке что-нибудь, водички набери, а я пошёл за вениками...

По этой части он спец. Сразу чувствуется деревенская за-калка. Смастерит десяток на любой вкус – от маленького и упругого до большого и мягкого, как пуховое одеяло – за час, глазом моргнуть не успеешь.

Возвращаюсь – они уже коллектора* вскрыли.

– Чего так долго? – шутливо вопрошает Иван и подмигивает, незаметно указывая на Лёшку.

Пропускаю вопрос мимо.

– У меня засада получилась, рассказать?

Лёша меняется в лице.

– На проходной зацепили?

– Да нет, – улыбаюсь я, – на две не хватило. Пришлось взять одну большую, – достаю из правого рукава, – и одну маленькую, – из левого.

– Ты что, – Лёша рассматривает этикетку, – напиток сюда

пришёл?

Иван тянет губы и кивает – много. Я закуриваю.

– А зачем всё пить-то? Надо так, чтобы обязательно оставалось...

Вот услышал бы кто-нибудь из старшего поколения кочегаров – засмеял бы. Где это видано, чтобы с 750 граммов водки три мужика напились?!

– Давай, поехали, – отдаёт распоряжение Лёшка.

И мы даём, в смысле – работаем.

Поскольку впереди вырисовывалась приятная перспектива, то, разумно распределив обязанности (здесь же нет лишних глаз и ушей, потому можно было напрямч Лёшку потягать прижимные* крышки), мы к шести вечера закончили ударно трудиться и приступили к отдыху.

Обе двери – на замок, иначе что может подумать случайно вошедший (или вошедшая) глядя, как три голых мужика, постанывая, лезут в топку? Причём просто так туда не попасть – надо надеть ватник. В противном случае можно здорово обжечь плечи. Ватнику, естественно, лет десять от роду, и вид у него... На негров ещё не похожи, но уже не бледнолицые. Кочегары, одним словом.

– Мужики, я всё... – Лёшка суёт веник Ивану и, напялив ватник, на карачках выползает из топки.

– Чайник поставь, – говорю его заднице и жестом прошу у Ивана веник.

Из всех сведений, что приходили ко мне от разных лю-

дей относительно того, как париться, я выделил несколько, на мой взгляд, подходящих.

Если паришься больной, но без сильного кашля и насморка, то веник ни в коем разе нельзя замачивать – он должен забрать из тела пот, намочнуть, размякнуть и отдать лечебные масла. Выздоровление гарантировано.

Когда болезнь засела глубоко и организм вот-вот начнёт поднимать температуру, – здесь желательно обходиться сауной и ледяным бассейном. Причём, если позволяет сердце, количество «заходов» можно не ограничивать.

А вот здоровая баня (начиная с того, что собираться надо исключительно самому) включает в себя парилку с тремя видами веников (особо искушённые приплюсовывают ещё и четвёртый), массаж с элементами мануальной терапии, горячий чай, холодный квас (последнее, как убеждали меня знатоки на «Фонарях», легко заменяется красным несладким вином), бассейн и хорошее общество.

Кто-то хочет возразить?

– Э... Але, – причёсанный (когда успел?) Лёшка заглядывает в сауно-русскую «парилку по-кочегарски». – Пошли, я чаю с жасмином заварил.

Иван достаёт из ведра новый веник и, потряхнув им на кладку, жмурится, жадно вдыхая ртом.

– Чай – это хорошо. А, насчёт, к чаю?

Лёша улыбается.

– Вам как, больше того – или этого?

– И того и другого. – Я протискиваюсь в лаз и бегу в душ на второй этаж.

Струя ледяной воды вонзается в плечи, покалывающей дрожью пробегает по всему телу, выскакивая у пяток. Сердце делает сто пятьдесят ударов, кровь кипит в венах. Приходится спускаться на полусогнутых. Мимо пробегает что-то красно-бурое и горячее; Иван – догадываюсь я.

– Также запариться можно. – Лёша улыбается, отчего его влажные усы топорщатся, как у кота. – Давай. – Он протягивает пятьдесят грамм.

Это, конечно, не холодный квас, но минут через десять я начинаю понимать, что если из моей жизни вычеркнуть состояние подобной лёгкости, чистоты и отрешённости, то какая же это, на фиг, жизнь получится?!

Возвращается Иван. Его карие глаза излучают удивительную ясность, будто это совершенно другой человек. И я себя спрашиваю: неужели и со мной после парилки происходят такие перемены? Но ответить на вопрос не успеваю – Лёша разливает в дежурные стаканы и говорит что-то о нашем нудистском виде. Есть у него такое в крови – отметить относительно длины причинного места или волосяного покрова там же. Я непроизвольно улыбаюсь и выпиваю, закусывая шоколадной конфеткой. Разговор входит в спокойное русло, ненавязчиво изгибаясь от темы к теме, захватывая разные стороны нашей жизни.

Послебанные разговоры – это особая тема, которой стоит

уделять внимание, как сказал бы Великий Кочегар. Я, безусловно, согласен с ним.

– ...Мы тут однажды парились с дедком одним, – вспоминаю, – живописный мужик... Прежде чем подняться на полк, обязательно перекрестит всех, а потом себя. Раза три подряд, совершенно случайно, мы встречались...

– «Мы» – это в смысле ты?

– Да, нет, – отмахиваюсь я – вы этих ребят не знаете. Попарились. Всё, как полагается. Чаёк достали, сидим – пьём. Вдруг он подходит, присаживается рядом и пристально так смотрит на меня. Даже не по себе стало – кто знает, что у него на уме...

– Ну-ну, – вставляет Лёша.

Иван улыбается.

– Вот тебе и «ну-ну»! Посмотрел и говорит: ты, сынок, угорел. Скоро голова у тебя болеть станет, можешь сознание потерять. Дело, конечно, твоё, но я бы посоветовал настоячки попробовать, у меня с собой припасено... Настоячки, думаю, так настоячки. С чайком тоже неплохо. Уходит и возвращается с бутылкой. Обычная зелёная поллитровка из-под «Русской», но в ней что-то бурое и густое. Открыл, прищурился, налил всем троим, но каждому по-разному. Кстати, мне, почему-то, больше всех досталось. «Пейте – говорит – но маленькими глоточками, не отрываясь». Я, может, не стал бы пить-то, желания большого не было, но здесь голова как раз и разболелась...

– Выпил? – спрашивает Иван.

– А как же. По инструкции деда. На вкус чем-то еловым и сладким отдаёт и вроде с градусами.

– А голова прошла? – интересуется Лёша.

– Потому и рассказываю, что прошла. Не сразу, естественно, пару минут поболела и перестала.

– А у корешков твоих?

– У них не болела. Он потом объяснил, что им для профилактики давал. Обычное дело говорит, – очищение.

– Разными дозами?

– Ну да. Сашка тоже удивился, мол, чего это всем по-разному налил. А дед только посмеялся, но сказал почему.

– Ну и? – Лёшка наливает ещё по пятьдесят грамм.

– Потому что мы все, разные!..

– Ты хочешь сказать, что тебе надо наливать побольше?!

– Да нет, – смеюсь, – до меня позже дошло. Ведь одному, чтобы напиться, в смысле – утолить жажду, надо сделать четыре глотка, например, чая, а мне двух бокалов мало будет...

Иван задумчиво водит пальцем по краешку стакана и говорит мысль, достойную уст самого Великого Кочегара:

– Как мало мы о себе знаем.

– И я о том же. Сашка у него про другое спросил; он любитель вопросиков с подковыркой. «Почему разным людям делают прививки от болезней одинаковыми дозами?» Тот наклоняется к нам и тихо отвечает: «Это просто преступление». И улыбается...

– Это где ты говоришь? – спрашивает Иван.

– Глубинка. Периферия... – Наливаю «кочегарского» чая.

– После этого свидеться больше не довелось, но, что характерно, ни разу не угорел за последнее время.

Лёшка советует:

– Сплюнь и постучи по дереву.

– Да, ладно – отмахиваюсь я.

Потом мы ещё пару раз закидываемся в топку и доводим веники до их нормального послебанного состояния. Когда тела начинают дышать порами кожи, мы идём мыться. А на столе, между прочим, остаётся на доньшке в большой, учитывая, что есть ещё и маленькая. Пить уже никому не хочется. Разве что Лёшке, но он человек компанейский и не станет употреблять водку в гордом одиночестве, говоря по-кочегарски: «сам на сам».

Безжалостно выливая остатки в дренаж*, мы убираем пустую бутылку под фундамент котла (там негласный склад стеклянной посуды) на случай, если кому-то не хватит до желаемой суммы. Полную Лёшка уносит в кабинет на будущее, не забыв предложить, её откупорить. Иван смеётся и спрашивает:

– Какой смысл тогда было выливать остатки?

Лёша отвечает что-то о бессмысленности жизни и порядка. А я посмеиваюсь про себя: никто не сомневался, что он не остановится на достигнутых вершинах.

– А, может, всё-таки... – смотрит он на нас, стоя на лест-

нице.

– Лёша! Хочешь – пей, мы подождём. Какие проблемы?

Но Лёша уходит и чувствуется: настроение у него слегка портится.

За проходной, пожав друг другу руки, мы расходимся в разных направлениях.

ИЗ РАЗМЫШЛЕНИЙ А. КОМИССАРОВА

Сейчас уже нельзя сказать точно, была ли та парилка отправной точкой в моём путешествии по миропониманию или всё случилось, когда родители зачали меня. Своего первого похода к вратам парной я не помню, а все остальные столь же экзотические, как парилка в деаэраторе, в палатке на берегу реки...*

Не осталось у меня такой яркой и детализированной картины. Только череда объединённых воспоминаний. Может так устроена человеческая память – отбирать и ставить изначально то, что помогает ей анализировать будущее. Или же мне свойственно проскальзывать сквозь события, наполняться их флюидами и, спустя промежуток времени, на волне эмоций и переживаний осмысливать содеянное.

«Всё это так, – подтверждает внутренний Голос, – но вспомни беседу тет-а-тет с Великим Кочегаром, мудрым и просветлённым. Разве не он напомнил тебе, что свойство людей теряться в необычайно широкой полосе событий,

является просто их естественной реакцией защиты. Мир необъятен и просторен, а ты, как представитель людского рода, не являешься исключением. Ты тоже в какой-то мере пугаешься этой необъятности, хотя и чувствуешь, что она – твой, может быть, единственный приют».

«Это не решает моих проблем и противоречий», – отвечаю я, но Голос, посмеиваясь, уходит.

Пока его высказывание остаётся свежим – спешу зафиксировать на бумаге. Где-нибудь пригодится, если не потеряется среди подобных записей.

Я выхожу на лоджию. Закуриваю. Спешу насладиться панорамой вечернего Города. Это не тяга почувствовать себя частицей, принадлежащей к яркому, огромному, движущемуся и мигающему. Это – необъяснимая тоска, полученная в наследство. Тоска, которую ты вынужден нести на себе, как крест, от которого не избавиться.

И, когда приходит это состояние, – внутренняя чистота и летучесть образов-мыслей, которыми можно с лёгкостью управлять, – надо заваривать чай, садиться за стол, оставляя один-единственный светильник, и писать. Уноситься в мир, тобой создаваемый, где путь вьётся под ногами просто и незаметно, а даже самые мерзкие и отвратительные герои являются частью тебя...

Но здесь раздаётся телефонный звонок.

Хроника № 2

«Выброшу этот телефон, к чёртовой матери!» – твёрдо решаю не подходить к аппарату. Пластмассовый убудок звонит уже в семнадцатый раз. Надо же! Не лень кому-то. Как только запас терпения истощается и ноги напряглись, чтобы подняться, – звонки тут же прекратились. Поскольку всё равно собирался вставать, выдёргиваю вилку из розетки и облегчённо возвращаюсь к столу – продолжать работать.

Вообще, телефонные звонки – это особый вид нервирования человеческой цивилизации, хотя при некоторых обстоятельствах оказывают лечебный эффект.

Как-то выпало нам с Иваном семь вахт стоять на Южной площадке (это я сейчас точно говорю, что семь, а тогда думалось – весь сезон вместе оттарабаним). Разговорились о том о сём и, как бы невзначай, сошлись на этих самых звонках.

– Вот, – рассказываю, – случай забавный был. На Динабурге старшим стоял...

– Главное – упомянуть про старшинство. – Иван поднимает палец вверх.

– ... Не перебивай, – как бы обижаюсь я. – Часа в два ночи звонит телефон. Кто? Чего? Прикидываю и никак в толк не возьму, но трубку снимаю. А в ней такой жизнерадостный мужской баритон: «Привет, боцман!..»

Иван пьёт чай и после моих слов успеваешь им поперхнуться-

ся. Я терпеливо выжидаю, пока он прокашляется, высморкается и продолжаю:

– Оборудование у нас, сам знаешь, корабельное: пол палубой зовут, а туалет – галюном. В общем, стараясь попасть в тон, отвечаю: «Привет, старина». После трёхсекундной паузы следует вопрос: «Как ты там, скучаешь?..» Ёлки-палки, конечно, скучаю и спать к тому же хочу! Потому отвечаю: «Ага...» На сей раз пауза больше. «Так, приезжай, – в трубке звучит, – у меня здесь девочки». Раз дело принимает такой оборот, я всякие-разные варианты прокручиваю и перебираю, но отгадать, кто звонит, никак не могу. Спрашиваю: «Куда приезжать-то?..»

Иван громко смеётся. На шум выбегает аппаратчица – у нас, знаете ли, кто долго проработал, ориентируются по слуху, потому что, когда всё работает нормально, то стоит однообразный гул, а коль что-то случается, то всякие шумы вплетаются в общую картину. Вышла, постояла, покрутила пальцем у виска и ушла.

Иван пожал плечами, но смеяться перестал. Пока.

– На том конце провода окончательно созрели для вопроса: «Куда я попал?» И задали. «В котельную, – отвечаю, – куда же ещё». На том всё и закончилось...

Иван разочарованно разводит руками.

– Что же ты, надо было поактивней...

– Какой там! Спать я хотел...

Минуты две сосредоточенно смотрим на водоуказатель-

ные колонки*, задрав головы.

– У меня интересней прикол был – говорит Иван. – Кстати, ситуация аналогичная. Представь: глубокая ночь. Я, умудоханный за день всякими-разными делами, спокойно опочиваю в собственной постели... Телефонный звонок. – Он входит в описание ситуации и начинает представление театра одного актёра, где вполне сносно может изобразить себя, постель, телефон, звонок. – Первый я, естественно, не слышу. На второй слабо реагирую, на третий – открываю глаза, на четвёртый...

– Иван, – молю я, – финал, давай финал.

– Ага. – Он прихлёбывает из своей кружки. – Ты меня заставляешь второй раз выходить из образа... Снимаю трубку. Нежный, непорочный девичий голос спрашивает: «Можно говорить?» Я спросонок, не разобрав, что к чему, даю согласие. И здесь начинается. «Вы знаете, – рассказывает, – у меня большие неприятности. От меня ушёл парень, с которым я дружила, и теперь весь смысл жизни улетучился... Я, наверное, покончу жизнь самоубийством...» Представляешь?! Сон, конечно, говоря её словами, улетучился и в порыве души отвечаю: мол, не сто́ит спешить делать скоропалительные выводы; это не конец света и, ни в коем разе, не конец жизни... И вдруг меня осеняет: «Куда звоните? – уточняюсь. Как куда, – девушка удивляется, – в ночную службу доверия. А это квартира, – на автомате сообщаю ей». И всё. Короткие гудки...

– Есть продолжение? – спрашиваю я, потому что такие истории с ним почти никогда не заканчиваются так резко.

– Ага, – кивает Иван. – На следующий день стал вычислять этот самый телефон службы доверия.

– Ну?

– Что, ну? Одна последняя цифра в наших номерах не совпадает, а на станции механики забывают спиртом контакты смазывать. Вот и попадают ко мне. – Он закуривает и продолжает. – Здесь индус какой-то звонил на днях, жаловался, что кушать плохо стал...

Это надо было слышать, каким тоном произносилось «кушать»! Я так сразу на пол лёг от смеха; минут пять успокоиться не мог.

– Ну... Ну!.. Финал!!!

– Чего финал. Говорю: «Вы не туда попали, но у меня, в принципе, время есть, можно пообщаться».

– И согласился?

– А как же. Проблему решили за полчаса.

– Да-а... – выдыхаю я, а на память приходит ещё один звонок. – Дело было там же, в прошлом сезоне, по-моему. Только присел на горшок (а-ля Генуя), настроился. Дело, сам понимаешь, несуетное и требует спокойствия... Телефонный звонок. Как тут не издать вопль огорчения?! Ладно, иду, поднимаю трубку. Медовый женский голос здоровается и тут же переходит к сути дела: «Это номер?» Мои мысли заняты немного другим, но соображают: если есть телефон, зна-

чит, есть и номер, правильно? «Да» – говорю. Голос в замешательстве. «Ну, – подбадриваю я, – сообщайте. Я по поводу... массажа, – сообщает. Не понимаю, конечно, какого, но хочу понять, – ну? Можно приходить?..» Быстренько рисую картину в воображении: прекрасная обладательница голоса делает мне массаж. Таиландский. Поскольку такой разворот меня устраивает, то отвечаю: «Конечно». Голос тихо уточняет: «Презервативы с собой брать или у вас есть?..» Сдался, старик, честное слово сдался. «Извиняйте, госпожа массажистка, так вот и так, ошиблись вы номером». А она настаивать не стала и канула куда-то в телефонные провода...

Иван молчит. Может, фантазирует или дорисовывает в мозгах то, что я не успел, а потом, очнувшись, спрашивает:

– И дальше?

– Что дальше? – удивляюсь, ведь тема закрыта.

– Кайф восстановил?

– Слушай, точно! – и быстро лезу в стол за газетой.

– Да там есть, – машет рукой Иван.

Я удаляюсь на второй этаж – восстанавливать за прошлый раз.

Вот так, с шутками и прибаутками стоим ночную смену.

* * *

Время перевалило за три часа ночи. Мы пытаемся спроводить друг друга спать. Однако оба дома выспались и сидим,

как филины по разные стороны стола, тарашимся в книги, пытаюсь извлечь крупицы мудрости.

Официально читать у нас не разрешается. Старший мастер предупреждает постоянно: «Поймаю – урежу в зарплате». Ловил, конечно. Он мастак ставить капканы подобного рода. Но и мы не лыком шиты. Ночью можно без подстраховки: дежурный – свой человек – не заложит. А днём всё делается до гениального просто. Длинная суровая нитка привязывается за верх входной двери. Причём на Центре и Юге по две входных двери, соответственно, и ниток столько же. Пропускается через что-нибудь высокое и ложится на книгу между страниц, на край привязывается клочок бумаги. Дверь открывается, бумажка на нитке вылетает из книги, и ты знаешь, что кто-то уже в пути. Может быть, с мыслью о капкане для тебя. Спокойно убираешь книгу (журнал) в стол и делаешь умный вид.

Одно время звонком на Юге служил пёс Фокс. Здесь можно было даже схватиться за какой-нибудь клапан и усердно пытаться стронуть его. Бывало и такое...

– Надоело читать! – орёт Иван и, захлопнув «Конана» Говарда, вскакивает.

– Чайник поставь, свеженького заварим, – предлагаю я.

– Да сколько можно... – возмущается Иван, но просьбу выполняет.

По норме. Два чайника за смену и три раза обязательно купеческого, кочегарского.

Иван садится снова.

– Пойти отлить, что ли? – сомневается он, поглядывая на уровень воды в деаэраторе, и, надумав, уходит.

Может быть, и не было надобности упоминать о столь интимном желании вслух, чтобы не коробить воображение читающего; в конце концов, у каждого свои представления о том, как надо собираться в отхожее место. Но, позволяя себе столь простое изложение, замечу – необходимо чётко представить себе выражение и мимику Ивана до того, вовремя и после. Обычно – это суета вначале и успокоенность затем. На сей раз Иван нарисовался в проходе с расстёгнутыми штанами... Его никак нельзя назвать успокоенным. Что-то загадочное и тайное вытягивало лицевые мышцы. Я всерьёз обеспокоился: не наделал ли в спешке в штаны? А что, случилось и такое (не с Иваном, правда).

– Ты чего? – спрашиваю я, а в груди появляется холодок страха.

– Где я?! – орёт он, застёгивая штаны.

«Всё, – думаю, – начитался парень книг и в клинч вошёл».

– Ты чего? – снова спрашиваю, а самого в пот бросает. Надо же, какие перемены за одну вахту – от хохота до ужаса.

– Где я, понимаешь, где я!

И тут потихоньку начинает доходить. Из-за гула и свиста над головой (пять метров выше и РОУ*) слово «идея» слышится как «где я», а нужная для понятия интонация теряется в шуме.

– Какая? – облегчённо вздыхаю я.

Иван не отвечает. Он заваривает чай, наливает, сластит и, прежде чем начать рассказывать, долго-долго смотрит в глаза.

– В каких ситуациях тебя достают телефонные звонки?

– В смысле? – пытаюсь понять, куда он клонит.

– Попробуй собрать ситуации, когда они раздавались, и выведи формулу.

– Ничего не понимаю... Чего ты хочешь?! – раздражаюсь я от собственного бессилия.

– Ладно, – он откидывается на спинку стула и уже медленнее продолжает. – Просто один случай вспомнил... С месяц назад... Решил я попробовать практику медитации и, часа в два ночи, уселся перед зеркалом, уставился на воображаемую точку посередине лба и попытался замкнуть на пустоту поток собственных мыслей, почти по чань-буддизму. Может, час сидел, может, больше – неизвестно. В такие моменты время не ощущается. Неожиданно раздаётся звонок в дверь, знаешь, хлётко так, я бы сказал – необычно. Срываюсь, открываю – стоит девица лет семнадцати, расфуфыренная, накрашенная и пьяная. Улыбается во весь рот, в руках сигарета.

– Позовите Серёжу, пожалуйста.

– Нет здесь никаких Сереж, – возмущаюсь и пытаюсь дверь закрыть, а она выставляет ногу и снова: «Пожалуйста, он очень нужен...» Повторяю ей терпеливо, что такой здесь

не проживает. А она, как заведённая, позовите да позовите. Короче, дошло до того, что распахиваю дверь настежь, и говорю: «Смотри, найдёшь – десять тысяч дам». Что ты думаешь? По-идиотски рассмеялась, сказала: «Ну, ладно». И убежала...

– Продолжение есть? – интересуюсь я, пытаюсь усмотреть в этом что-то связанное с телефонными звонками.

– Есть. Этажом выше какой-то бутлегер живёт. Серёжа. Хотела, наверное, его, но попала ко мне.

Некоторое время оба молчим.

– И что за идея тебя посетила?

– Идея в том, что в наших случаях это происходило в самые неподходящие моменты, – заключает Иван и начинает расхаживать, почти бегать перед котлом; взад-вперёд.

Моментально, словно улей тронули, ко мне приходит масса историй, когда тот или иной человек иногда и вовсе случайный, основательно портил настроение.

Здесь появляется аппаратчица с капроновыми бидончиками – взять пробы котловой воды на предмет щёлочности* и очищенной на жёсткость*.

– Вы чего разорались? – недовольно спрашивает она и, естественно, не дождавшись ответа, проходит к фильтрам.

Иван показывает ей вслед язык и разводит руками: что я говорил?..

А я вспоминаю, как однажды ехал в трамвае на работу и про себя разговаривал с героями «Свечи перед запертой

дверью». Слышу, бабулька поливает меня чуть ли не матом. Я, такой-сякой-молодой, место не хочу уступать. Встаю, извиняюсь. Унижен и растоптан, конечно, но креплюсь. И, как вы думаете, что вижу? Двойное сиденье сзади меня свободно! Народу в трамвае человек десять, никак не больше. Это ладно незнакомый человек, старый. Может, у неё не все дома. Здесь покруче история происходила.

По весне, аккурат перед Великим постом, посетила мою голову интересная мысль: не попоститься дней эдак двадцать – тридцать? Попробовать, так сказать, себя испытать.

Готовился целую неделю: халвы накупил, сухарей насушил, какие консервы мясные были в доме – съел, даже с поллучки решил на литр мёда потратиться. В последнюю ночь курить перестал и все оставшиеся пачки выбросил, чтобы не искушали.

С утра пораньше всё и началось.

Сначала приехали знакомые, которые у меня вообще никогда не были. Повод, естественно, имелся солидный – в гости, познакомиться поближе. Литр они выпили, это я ещё стерпел, но, когда достали второй и наехали так конкретно (не выпьешь – обидишь), то пришлось показать ребятам порог. Ушли.

Почистил картошечки, отварил, заправил подсолнечным маслом и только ложку ко рту... Нарисовался Гришка пьяный в смерть. Пробубнив что-то вроде: «прости, браток» и «жена выгнала», вырубился прямо в коридоре. Ладно, и это

съел. Перетащил э... туловище в комнату, уложил. Пока возился – картошка остыла. Сlopал холодную. Настроение, сами понимаете, где. Ничего, сел на кухне читать.

Телефонный звонок...

Неохотно снимаю трубку. Звонит Марина – старая подруга (в смысле давнишняя). Хочет меня лицезреть. Говорит, что проблемы с одним молодым человеком (половые, скорее всего), посоветоваться надо.

– Хорошо, – соглашаюсь, – приезжай, но имей в виду, что я на посту и поэтому ничего такого.

– Ладно, – смеётся, – не буду. Только не на посту, а пощусь...

Ей до меня с час добираться: барышня предпочитает передвигаться исключительно наземным транспортом; в метро её гипервентиляция мучит. На проделки рогатого ссылается, мол, его царство. Хотел к её приезду марафет дома навести. Хотел...

Завалились ребята – раньше в одной команде вместе играли. Этим бесполезно объяснять, постишься ты или нет – всё едино. Надымили в полный рост. Потом Маринка подроспела, раскрутила братков на литр. Потом Гришка оклематься соизволил. К вечеру гудеж стоял корабельный. И эта грешная масса так допекла, что, осушив стакан, я горячо высказал личное мнение относительно их появления, а потом стал по очереди выяснять отношения. Через два часа они, конечно, ушли, но моё настроение и растоптанный вдребезги пост

уже не вернуть...

– Ну и как? – вырывает меня Иван из плена размышлений.

– Интересная штука получается...

– Я здесь кое-что прикинул. – Он стал рассказывать истории из жизненного опыта.

За семь вахт, что стояли вместе с Иваном, мы составили целый трактат о людях, которые появляются в самые неподходящие моменты, и попытались их классифицировать.

В первый разряд занесли незнакомых, чего-то от тебя желающих в бытовом плане: стрелков сигарет и спичек, узнавальщиков времени, адресов, особо разговорчивых и тому подобных.

Во второй попали знакомые, появляющиеся не вовремя, и рабочее начальство, поскольку оно тоже всегда приходит не вовремя.

В третий, как ни странно, пришлось зачислить себя.

Я хоть и серьёзно относился к этому занятию, но первоосновой держал познание людей, ситуаций, жизненных условий – для набора опыта. А вот Иван ко всему подходил основательно и хотел построить на своём открытии философскую работу.

– А ты не думаешь – спросил я, когда писанина была закончена, – что всё это имеет место в трудах психиатра, защитившего диссертацию по маниакальному синдрому с ярко выраженной формой преследования на бытовой почве, а?

Иван смотрит на меня таким взглядом, что мне и вправ-

ду, кажется, будто он сумасшедший. Или я «поехал» и всё видится совершенно иным.

– Дурак ты, Антоха, – заключает напарник. – Кто тебе может приклеить ярлык психа, если ты этого не хочешь?

– Логично, – соглашаюсь я, – но ты же приклеил.

Иван улыбается.

– Но ты же не считаешь себя им.

– Не знаю, – честно признаюсь я.

ИЗ РАЗГОВОРОВ НА ЛОДЖИИ

Моя лоджия – это феноменальное место в квартире. Её ничтожная квадратура вместила в себя столько бесед, исповедей, споров, декламаций и откровений, что, скovyрнув один квадратный миллиметр, можно смело садиться, писать книгу.

Моя лоджия – это перекрёсток всех дорог в квартире. Сюда стремятся с полной головой мыслью, с открытой душой, с новым стихотворением или романом.

Но пора, наконец, извлечь некоторые её тайны из бетонных недр.

По воле случая довелось мне общаться с экстрасенсом (хотя сама она предпочитает называться биоэнергетикой).

Человек я любознательный и разговорчивый, потому вопросов много задаю.

Биоэнергетик – сильная, темноволосая женщина трид-

цати лет. Раскрыла способности сама, без посторонней помощи. Лечила массу всяких болезней, но объяснить свои действия не могла. На тот момент.

– Настя, – спрашиваю, – как ты реагируешь на человека, который беспардонно прерывает твоё сладкое сновидение? Берёт и нагло трясёт за плечо?

– Это не он, а тёмные силы через него, – тут же отвечает Настя. – Значит, или в моём биополе пробоина, или оно после сеанса недостаточно хорошо очистилось...

– То есть осталась связь с больным? – уточняю я.

– Да.

– А если кто-то спрашивает время, когда ты вскакиваешь на подножку трамвая?

– А... Это – фантики.

– Кто? – изумляюсь я.

– Фантики. Вампиры. Люди, которые не могут жить без энергии другого человека.

– По твоим раскладам людей можно разделить на вампиров и доноров?

Немного подумав, Настя отвечает:

– Вполне.

– И большинство этого не осознаёт?

– Думаю, что нет.

– Ты к кому себя относишь?

– Ни к кому. Если даю энергию, то сознательно, как сейчас. Но если беру, то понимаю для чего. В большинстве слу-

чаев, конечно, даю...

В другой раз, благо случай подходящий был, довелось нам вернуться к теме. Сухенькое под рукой имелось. Подогретое, с сахаром. Сидим, попиваем нечто похожее на глинтвейн.

– Как объяснить такой момент: набираю я номер Ивана, желая услышать его голос и поделиться снизошедшей идеей глобального порядка, а попадаю аккурат в тот момент, когда он подносит ко рту столовую ложку свежеприготовленного борща?

Настя улыбается.

– Ты, Комиссаров, одними вопросами сыпешь, а разбираться в них других заставляешь.

– Надо же сравнить.

– Хорошо... Попробую. Имей в виду – это моё личное мнение...

– ...Основанное на мнениях других! – заканчиваю я.

– Тьфу ты! – злится Настя. – Ты будешь слушать или подтыривать?

– Всё, всё. – Поднимаю руку. – Я весь превратился в большое ухо.

Она успокаивается, две минуты молчит и после говорит.

– Все люди между собой связаны: кто больше, кто меньше, но все. И за свою недолгую жизнь стараются связи укрепить. Бывает, по прошествии лет, о ком-то и думать забыл, а он напоминает о себе самым неожиданным обра-

зом... – Настя замолкает, но я чувствую, что сейчас она расскажет личное и важное. – У меня друг детства был, первая любовь. Мы лет восемь дружили. Всё так искренне, честно было, но... Так получилось, что он после армии на другой женился, я за другого замуж вышла... И тут однажды зашла в магазин за чем-то, – уже не помню за чем... Подходят двое мальчиков и спрашивают, как пройти на Маршала Говорова. Я, конечно, объяснила, показала. И только они отошли – вспоминаю, что фамилия-то у друга – Говоров и, самое интересное, – день рождения у него в этот день был... Время идёт, а узелки-ниточки, которые нас связывали, остались...

– И что же делать?

– Не завязывать, не создавать их...

– Эге, нет! – возражаю. – Поскольку все мы общаемся, этого, мадам, не избежать. По-твоему, получается, надо в леса бежать, отшельником становиться!..

– Глупый ты, – треплет она меня по плечу. – Мы подсознательно хотим этих узелков-ниточек. Когда начинаешь осознавать, что они тебе ни к чему, приходит понимание, как этого избежать. Может, для кого-то уединение в лесу как раз и будет самым нужным и необходимым.

– Не понял? – здесь действительно для меня всё стало превращаться в кашу.

– Ты представь, что наш сегодняшний разговор – последний в жизни. И мы больше никогда не увидимся.

Морщю лоб, напрягаюсь, но – тщетно. Не совладать пока с потоком её информации. Пустые слова.

– Улыбки, жесты, эмоции, вино в стакане – всё это никогда больше не повторится.

– Но в жизни и так никогда ничего не повторяется!

– Ошибаешься, мальчик, – говорит она и я действительно чувствую себя скулящим кутёнком. – Всё движется по кругу, пока мы не преодолеем эти препятствия.

Господи! Как она права! Чтобы мы не перебирали в своих жалких умозаключениях и спорах, сколько бы ни потели, доказывая правоту, всё равно остаётся один путь – действие.

Наблюдая за переменами моего лица, Настя ненавязчиво спрашивает:

– Дошло?

– Ага, – говорю я, – немного.

– И когда к любой вещи или человеку начнёшь относиться именно таким образом... – она специально замолкает, предоставляя возможность самому закончить мысль.

Но я молчу. Борюсь с вихрем взбудораженных чувств. И рад последовать её предложению, но что-то подсказывает, что, пока решение не принято, можно сомневаться, пробовать и ошибаться. Пытаться самому постигнуть то, что для неё просто и очевидно. Потому и молчу.

Возвращаясь к нашей классификации, отмечу случай почти канонически комедийной ситуации.

Только мы успокоились после бурных высказываний по поводу заключительной части, едва стрелки настенных часов пересекли отметку три, в котельную вбегает возбуждённый пожарный в чине старшего лейтенанта.

– Так! – орёт он с входа. – Здесь пожар! – тыкает пальцем в две пустые двухсотлитровые бочки из-под машинного масла.

И убегает. Не успев опомниться, имеем возможность лицезреть другого, уже при доспехах и каске.

– Где пожар?! – спрашивает и тянет за собой... шланг!

Одновременно показываем. Я пытаюсь протереть глаза, – может галлюцинация? Но нарисовались ещё четыре бойца со шлангами и огнетушителями и стали импровизированно бороться с пожаром. Вновь появляется лейтенант, смотрит на часы, хмурится.

– Всё! – кричит тот, что с огнетушителем.

Командир фиксирует время, строит ребят перед котлом и начинает вставлять пистоны по всем правилам военной науки – с оскорблениями, угрозами и матами. Потом все быстро сматываются.

Очнувшись, мы замечаем, что всё произошло за пять минут. Но осмысление ситуации пришло позже, где-то через

час. Посмеялись от души, как в бесплатном цирке.

* * *

...Вернувшись из повествования, поглядываю на будильник, – четыре часа непрерывного писания. Иду в туалет и попутно включаю телефон: теперь можно. Не успеваю как следует сосредоточиться, раздаётся телефонный звонок.

– Пока не обаблюсь – не подойду, – говорю вслух и завершаю начатое.

Звонит Иван.

– Привет, старина. Никак опять пишешь?

– Ага...

– К тебе можно подъехать?

– Валяй.

– Сейчас буду...

Убираю письменные причиндалы, освобождая стол – понадобится. Ванька-плут пустым никогда не приезжает. «А, надо ли мне это?» – мелькает в голове вопрос, но тут же исчезает среди таких же быстрых и простых. Обычных.

Как здесь не вспомнить слова Великого Кочегара о «невозможности управлять ситуацией, будучи не просветлённым».

Хроника № 3

Поле клеёнчатой скатерти на обеденном столе представляло жалкое зрелище.

Хотелось снова закрыть глаза и провалиться в космическую бездонность похмельного сна, но мочевого пузыря требовал немедленного опустошения. Поелозив несколько минут по покрывалу, заменявшему простынь с тех давних пор, как та, посеревшая от бесконечно долгого употребления, была засунута в корзину для грязного белья, я медленно поднялся и, пошатываясь, побрёл к туалету.

Новый день начался, господа.

Прижавшись головой к трубе, соединяющей сливной бачок с унитазом, я сосредоточенно, никуда не торопясь, внёс свой личный вклад в содержимое канализации и, застегнувшись, направился к ванне. Побрызгав на памятью физиономию водой, в глубоком раздумье вернулся в комнату и с робкой надеждой снова взглянул на клеёнку. На смену робости пришла уверенность.

Ни тарелка, ни пятна, ни остатки соуса, свисавшие со стула отвратительными бурыми каплями, никуда не исчезли. И убирать их придётся именно мне. «Зачем всё это...» – в который раз промелькнуло в голове.

«Ну, зачем всё это мне?» – хаотичный круговорот боли, потрескиваний и сдавливаний вновь оформился в знакомую

фразу. Я потянулся к тарелке. Рука проскользнула над ней и обхватила тоненькую ножку стоящей поблизости рюмочки. Её доньшко покрывала до боли знакомая жидкость, которая могла быть либо водой, либо...

Внимательно оглядев стол, я обнаружил ещё три сосуда с чем-то прозрачным, один из которых был такой же рюмкой, но наполненной до половины, а два остальных – гранёные стаканы, где отсвечивалось нечто.

Не торопясь, боясь спугнуть момент просветления, я осторожно стал вспоминать вчерашний вечер.

Мы были вдвоём с Иваном, который, наглядно подтверждая открытие, посапывал на матрасе, изредка подёргивая правой ногой. Наверняка ему снилась погоня. Пили мы вроде из рюмок, а из стаканов, получается, запивали. Я потянулся к гранёному. Принюхался. Нет! Это не вода... Запах слабый, еле уловимый, но ведь это понятно. За ночь **она**, конечно же, выдохлась! Но в стакане была родная мать всех страждущих по утрам, желанная и приносящая облегчение – «Русская водка». Водочка. Водонька...

Более не раздумывая, я слил всё в один стакан и опрокинул в жаждающее нутро. Аффект, как говаривал мой первый старший, не заставил себя ждать. Благотворительное тепло понеслось вместе с кровью по телу, размягчая окостенелость мышц, изгоняя заиндевелость из суставов, наполняя пульсирующие точки головы ясностью и облегчением лучше любого шиацу.

– Ты мне не оставил, случайно, капельку? – голос Ивана, почему-то с хрипотцой и неприятным посвистыванием, сформировался в замысловатую фигуру в виде фиги и растворился в прокуренном воздухе квартиры.

– Оставил, – расслабленно изрёк я и, слегка подумав, добавил – капельку.

– Дай, пожалуйста.

– Вставай и возьми. Надо в квартире прибраться. Сегодня Глюк придёт с какими-то москвичами.

– Всех в ж... – глубокомысленно произнёс Иван и перевернулся на другой бок. Но через минуту сел, с сожалением посмотрел на стакан и выдохнул. – Головка бо – бо...

– А денежки тю-тю. Вставай, они опохмелят. Только по-жрать приготовить надо...

– Макароны сварим. – Иван на четвереньках дополз до стола и, грустно улыбнувшись, осмотрел содержимое стакана. – Н-да... – он сунул руку под стул и достал пустую бутылку с её законными сорока каплями. Другую поднял со скамейки, но в ней даже бултыхалось. Сосредоточенно пыхтя и морщась, Иван выжал из них всё, до последней капли и, перекрестясь, проглотил нацеженное.

«Буддисты пьют до полного просветления» – любил поговаривать старый, умудрённый опытом и годами Великий Кочегар. Он был по-настоящему **посвященным** в смысл нашего Бытия, обычно недоступный взгляду нормального человека. И если бы Эдуард Шюре родился лет на сто позже, то обя-

зательно включил бы в свою книгу этого талантливового Учителя, который всегда находил возможность помочь страждущим и обиженным мудростью слова, таинством взгляда или историей из собственной жизни.

Он любил наблюдать моменты, когда человек, будучи какое-то время назад никем и ничем на этой Земле, озарялся внутренним светом самоосознания и самоосмысления. Когда он на глазах разрывал паутину отчуждения от нашего мира и являлся на свет прежним, знакомым и... просветлённым. О, эти волшебные минуты достойны кисти выдающегося художника и пера гениального поэта. «Рождение Человека... снова и снова» – так бы называлось полотно, запечатлевающее Ивана в последние минуты его, возникшей из пепла похмелья, жизни. Феникс! Пегас, взлетевший на Парнас. Философ, своим взором кричащий: «Аз есмь!»

Но волшебство длится только мгновение, после чего приходится опускаться на землю.

– Макарон нет, но есть картошка.

– В мундире? – с надеждой в голосе спросил Иван и икнул.

– Глюк мне уже два года про «в мундире с майонезом» вспоминает. И матом ругается. Так что почистим и пожарим. Ты что предпочитаешь – готовить или убираться?

Иван бросил молниеносный взгляд по сторонам и выдохнул:

– Г...отовать.

– Картошка на лоджии, нож на кухне – вперёд...

Прихватив с собой чайник, Иван грустно поплёлся на кухню, а я, решительно подняв с пола маленькую тряпочку, которой обычно вытираю стол, с видом человека, потерявшего в этой жизни почти всё, принялся наводить порядок.

Клеёнка приняла приемлемый вид, пепел вместе с томатным соусом уныло упокоились в ведре, тарелка с вилками сиротливо приютились в раковине.

В дверь позвонили.

Лентяй Ванька, безмятежно пыхтящий сигареткой, поглядывая на пять или шесть вычищенных картошин, проворно схватил ножик и принялся за работу. Открывать дверь пришлось мне.

На пороге, таинственно улыбаясь и держа в правой руке подозрительный пакет, стоял Глюк.

– Водки принёс? – сразу спросил я.

Улыбка исчезла под Глюковыми усами.

– Нет, – сердито ответил он, неодобрительно прищурившись. – Опять всю ночь пили?

– А, когда вчера звонил, не понял, что ли?.. Иди за водкой.

– Я стал закрывать дверь.

Но чем-чем, а здоровьем этого человека Бог не обидел. Он дёрнул дверь на себя, отчего я сам оказался на пороге и, по-хамски оттолкнув меня плечом, ворвался в квартиру.

Первым делом Глюк забежал на кухню и, увидев Ивана, сосредоточенно ковыряющего ножом в картошке, одобрительно крикнул. Потом, не выпуская из рук пакета, влетел в

комнату, осмотрелся, и улыбка снова засияла на его мерзком лице.

– Всё не так плохо, как я думал. – Пакет он не собирался выпускать из рук. Зная Гришку (так почему-то называли его родители) уже лет восемь, я сделал определённые выводы.

– Что у тебя в пакетике? – вкрадчивым голосом спросил я, не забыв, естественно, закрыть дверь.

– Что, что – грибы!

– Ух ты, – раздался из кухни голос Ивана. – Откуда?

– На рынке купил.

– Что?! – Иван появился в коридоре. – Мы, конечно, понимаем, что ты на всё способен, но покупать грибы...

– Мужики, сейчас ребята придут серьёзные, деловые. Все спортсмены. Хотят немного расслабиться. Их кормить надо, дурьи бошки. Чем грибы плохи?

Мы с Ванькой переглянулись.

– А, что? Я сам видел, как на рынке грибы продавали. Должен же их кто-то покупать... – но, уловив тоску в моих глазах, Иван сразу всё понял и погрузился. – Глюк, ты что, к нам бандитов пригласил?

– Да какие они бандиты! Студенты, подрабатывают в одной фирме...

– Нам только подрабатывающих студентов не хватает. В общем, так. Звони своим качкам и говори, что веселье отменяется. Мы умерли. – Я выбросил тряпку в мусорное ведро. Оттуда что-то посыпалось.

Иван кивнул.

– Старики, у них водка есть.

– Ну и что, – менее решительно произнёс я.

– И они хорошие. Обещал я, что посидим в уютной квартирке, с отличными ребятами познакомлю, потом расслабимся под гитару... – подхалимски затараторил он, а сам, подлец, подосиновики на стол выкладывает, зелень, яйца и со дна пакета запотевшие бутылки пива «Балтика N 3».

Глядя на всё это просветлёнными глазами, на которые опять начал напоззать предательский туман, мы поняли, что надо выходить из положения, не роняя собственного достоинства. Положение спас Иван.

– Твои гости, тебе и готовить. – Гордо подняв головы, мы ушли на лоджию, оставив Глюка наедине с картошкой и принесёнными им же продуктами.

Пиво, правда, пришлось прихватить с собой...

Кто может понять время? Кто в состоянии осмыслить это отвратительное тиканье настенных часов, когда собственный организм, а вместе с ним мысли и чувства начинают осознавать зависимость от несурзной монотонности нелепого звука: «тик-так?»

Маленькая стрелочка подползала к цифре «четыре», когда трель телефонного звонка взбудоражила запахи, исторгаемые кухней. Глюк, несомый своей знаменитой «идеей фикс», вылетел в коридор, оторвав наш взгляд от созерцания опорожненных бутылок, и, рывком подняв трубку, восклик-

нул: «Алле!» Побубнив минуты три-четыре, изредка вскрикивая своим тоном «ясно, хорошо, понятно», Гришка вошёл в комнату и развёл руки.

Успев натянуть маски абсолютного равнодушия, мы с Иваном рассматривали трещинку на потолке.

– Так, старики. Две новости – одна хорошая, другая плохая. С какой...

– С любой! – мы перебили любящего потрепаться Глюка.

– Москвичи не придут. Каких-то барышень сняли в фирме и те пригласили их к себе.

– А, плохая какая? – я достал «беломорину».

– Это и была плохая. А хорошая... Картошка с грибами готова. Я здесь на всякий случай прихватил... – из внутреннего кармана своего плаща, валяющегося на стуле, паршивец Глюк извлекает свою (и нашу, конечно же, нашу!) фляжку, видом коей не раз радовал наши сердца.

– Водка?

– Она.

– Литр? – всё ещё не веря, уточнил я.

– Семьсот пятьдесят.

– Так чего же ты раньше!.. – Иван аж запнулся. – Смотрел, как люди страдают...

– Знаю я вас. Вылакали бы всё, а москвичей послали...

– В ж...! – лаконично закончил грубиян Ванька. – Антоха, давай рюмки...

Клеёная скатерть, ласкающая взор своей чистотой,

умилённо выглядывала из-под тарелки с животрепещущими желтками на фоне благородных белков. Но ещё более приятно смотрелась полная сковорода картошки с сочными подсиновиками, обильно усыпанными зеленью и молотым душистым перцем. И ни в какое сравнение с ними не шли, переливающиеся незатейливым узором, три хрустальные рюмочки, до половины наполненные... ну, вы сами знаете чем.

Молча мы подняли каждый свою, молча осушили их до дна и, также не произнеся ни слова, занюхали слегка почерствевшими кусочками хлеба. Гриша положил руку с часами на стол, отмерив ровно шестнадцать секунд, налил нам с Иваном по половинке, а себе полную. Поймав мой взгляд, он серьёзно сказал:

– Мне вас догнать надо. А то сейчас улетите и, между нами встанет барьер непонимания.

Мы понимающе кивнули.

Очень скоро мы стали ощущать Единство гармонии внутри самих себя. Мир вместе с тиканьем часов, трамваями и людьми начал своё существование обособленно. Когда свежесваренный чай наполнил кружки и его тепло добавилось к калориям водоньки, мы полностью расслабились, начиная подходить ко второй стадии просветления.

– Ребята, а чего мы вообще пьём? – ни с того ни с сего ляпнул Иван. Ему всегда приходят несуразные мысли в самый ответственный момент.

– Не хочешь – не пей, – глубокомысленно изрёк Глюк на-

ливая.

– Да нет, ты не понял. Ясно, когда человек хочет выпить и делает это, – Иван опрокинул стопочку себе в рот, насадил на вилку кусок яичницы, – он нормальный любитель – пьяница...

Мы с Гришей протестующе закачали головами. На такую несусветную чушь даже жалко было тратить слова.

– ...Также понятно, – не обращая внимания на нас, продолжал Иван, – когда человек хотел бы не пить, но без этого уже не может. Он – алкоголик. Но вот когда он не хочет пить, может не пить, но всё равно набирается по самую макушку... Вот чего мне непонятно...

– Ты о ком говоришь-то? – я на мгновение замер, обдумывая достойный ответ.

– О себе, конечно. Да и о вас тоже.

Гриша уже улыбался во весь рот.

– Буддисты пьют до полного просветления. Так, давайте просветлять «Россию»! – он снова налил.

– Подожди, Гриша. Слова Великого Кочегара можно трактовать по-всякому. Этой фразой он хотел сказать нечто совсем иное, чем сейчас ты.

– Откуда ты знаешь, что именно я сказал? – Глюк очень любил поспорить. Очевидно, последние Ванькины слова задели его мятежную струнку.

– Так объясни.

– Сейчас. Давай сначала бахнем.

Мы выпили.

Гриша выдержал паузу, сосредоточенно закусывая. Потом, откинувшись на спинку стула и положив ногу на ногу, начал рассуждать сам с собой. В такие минуты (мы это знали) перебивать его было совершенно бесполезно: он всё равно не услышит.

– Чтобы понять смысл данного изречения, надо смотреть в корень. Три основные слова, как-то: буддисты, пьют, просветление. Какое из них главное? Для нас, поскольку мы всё-таки православные, – он строго окинул взглядом собеседников, то есть нас, – наиболее важным является слово «просветление». Через эту гадость, – он тряхнул фляжку, и в ней что-то радостно бултыхнулось – стараемся найти путь, который выведет из лабиринта мерзостей, обыденности, рутины и ежедневной волокиты, кою мы должны выполнить. Может быть, даже ненавидя её, но **обязаны**. В то же время, мы – индивидуальности и, кроме как внутри себя, нигде не находим подтверждения своего величия...

Идя по улице, мы видим сотни похожих на нас созданий, но собственный мозг претендует только на личную связь с Высшими силами, управляющими Вселенной. Есть множество способов попытаться разрушить взаимосвязь с, так называемой, толпой. Это – гордыня, тщеславие, – когда ты стараешься поставить себя выше остальных за счёт денег, известности или просто совершенно необоснованно. Это одни из величайших грехов христианства!.. А, по-моему, так про-

сто болезнь типа паранойи...

Можно заниматься коллекционированием, собиранием чего-либо, упиваться тем, что у тебя есть то, чего нет ни у кого или, по крайней мере, ни у кого из твоего ближайшего окружения. Это – самообман, отмазка для души, ибо ты являешься потребителем чужого, не способным создать своё... Бессмысленный путь выделения из толпы! Но... Если ни на что другое не способен... Можно создавать свои «произведения» искусства, но и этот путь очень скользкий, так как обычно ведёт к той же гордыне. Если, конечно, создающий не обладает способностью просто любоваться Гармонией, а не похваляться ею. Истинных Созидателей не так много. Мы, – он указал пальцем на себя, – обычные люди. Думая о них, мы либо ставим барьер – «нам это не дано» и «каждому своё», либо...

– Гриша, Гриша! – Иван захлопал в ладоши, привлекая к себе внимание. – Давай конкретно и по существу. Сформулируй, почему мы пьём и как через неё, – Иван указал на фляжку, – мы достигаем просветления?

– Хорошо, – Глюк снова налил по полстопочки. Разумеется, нам. – Попробую сформулировать... Все мы накапливаем отрицательную энергию, общаясь с такими же гомосапиенсами. Она обладает цветом, а лучше сказать, светом. Та, что давит на нас, – тёмная, чёрная, а которая ласкает – светлая, чистая. Водка является провокатором, который позволяет, даже сейчас, изливать из себя ненужную, тёмную энергию

и просветляться. Возвращаться к первородному состоянию. Если ты не хочешь пить, – можешь не пить. Но если пьёшь, то душа твоя уже почувствовала просветление, очищение от лишних эмоций. Она боится трезвого возвращения в этот мир, ибо он наполнен фантомами. Водка – это катализатор, позволяющий чувствовать себя свободным от их паутинок. Это ничуть не хуже, чем побочный эффект, разрушающий, как говорят врачи, твоё тело.

– И кошелёк тоже, – добавил я, почти соглашаясь с Глюком.

– Кстати, мужики, а как у нас с финансами? Во фляжке уже почти ничего не осталось, – Иван задумчиво смотрел на Гришу.

– Деньги есть, но идти тебе, – Глюк полез в карман.

– Тогда давай на две, чтобы лишний раз не бегать.

– Последнее отбираешь, – Глюк вытащил помятые бумажки. – На, на сколько хватит.

– Я в «двадцать четыре часа», быстренько... – и Иван, схватив деньги, пошёл обуваться.

Я тем временем взял чайник и отправился на кухню.

По улице, не обращая внимания на серые фигурки людей, уныло передвигающихся в разные стороны, стелился туман. Пухлые тучи скрыли дородными телесами низкое небо, сгущая промозглые сумерки. Белые ночи канули в уже позабытое прошлое. По всему чувствовалось, что отопительный сезон вот-вот обрушится на неподготовленные к нему трубо-

провода, батареи и ЖЭКи. Ничего не менялось в этом подлунном мире. Я не знаю хорошо это или плохо. Явь, как всегда, проигрывала в споре с Навью. Но это их противостояние, в котором мы, как сказал Глюк, всего лишь обычные люди. Обыденные.

Раскуривая «беломорину», я стоял у окна, размышляя на подобные, совершенно несущественные, темы, когда Гриша, соскучившийся без слушателей, пришёл на кухню.

– Ты речь заранее заготовил или так... – папироска почему-то постоянно гасла – кто-то вспоминал.

– Не знаю, – Гриша задумался. – Были кое-какие наброски, хотя сейчас не смогу повторить... Прозвучала речь-то?

– Да. Я чуть не уснул... Дома как у тебя?

– Дома? – Гриша погрузился. – Дома по-прежнему. Жена пилит, тёща пилит. Веришь – нет, но я к гитаре уже месяц не прикасался... Надо третью работу искать.

– Зачем? – Задумчиво спросил я.

– Деньги... – ответил он.

– Тебе что, денег мало? – Вопрос был риторическим.

– Разве их бывает много? – Он вздохнул. – А на то, что нам платят сейчас, не то что семью – собаку не прокормить.

– Не знаю, Гриша, ты семейный, у тебя свои заморочки...

В дверь позвонили. Ванька, как всегда, не додумался взять ключи. Слава Богу, у Глюка реакция на все звонки молниеносная. Он сразу бросился открывать.

– Полтора литра водки и бутылка пива, – с порога выпалил

Иван. – На большее денег не хватило.

– Есенинский коктейль? – Спросил я, потирая руки.

– Зачем продукт портить? – Глюк по-хозяйски отобрал бутылки. – Пивом запивать будем.

Мы согласились.

– Слушай, Гриша, – Ивану на улице, видно, пришла умная «мысля», – я почти всё понял в твоей теории, кроме одного...

– Ты хоть ботинки сначаланими, за стол сядь, а потом философствуй, – Гриша широким жестом пригласил нас в мою комнату. – Смотри, промок весь.

– Это ерунда. Наливай.

Через минуту мы опять подняли рюмки.

– Так вот, – Ивану не терпелось поделиться своими умозаключениями. – По твоей теории получается, что водка защищает от постороннего воздействия, как бы замуровывает. Почему же люди стесняются пить в одиночку и всегда ищут напарника, собеседника. Не стыкуется.

– Всё хорошо стыкуется, – Гриша принял любимую позу. – Когда ты защищён от нежелательного воздействия, душа расцветает, находит возможность стряхнуть прилипшую грязь. Всё накопленное надо куда-то выхлестнуть. Куда, если ты один?! Когда трое и все защищены – замурованы, – Глюк покраснел, усы порыжели и чувствовалось, что говорит действительно от души, – мы можем поделиться наболевшим без вреда друг для друга! Кому интересно, что я живу не так,

как хочу? Комнату купить не могу – финансы не позволяют, а с тещей в одной квартире... Эх! Зеркалу мне это рассказывать? Там мои глаза отражаются, что я их не видел, что ли? Друзей привести нельзя, выпить нельзя, курить нельзя...

– Даже на кухне нельзя? – Спросил Ванька, удивлённо посмотрев на Глюка.

– На кухне! В туалете запрещает. – Гришка сокрушённо махнул рукой. – На балкон выхожу. А дружок есть. Его жена на чёрный ход выгоняет – запаха табачного не переносит!..

– На лестницу?!

– Да.

Мы с Иваном грустно замолчали. Конечно, и у нас есть некоторые трудности, но, когда для того, чтобы покурить, нужно одеваться и куда-то выходить, это... это...

– Ребята, давайте сегодня просто наберёмся, а? – Гриша посмотрел нам по очереди в глаза. – Без философии, без замумностей. Расслабимся. – И он налил по полной.

Конечно же, мы набрались. Мы расслабленно возлежали на полу и орали песни под расстроенную гитару. Мы добрались до полного просветления благодаря старой закваске, и зияющие пустоты в памяти украсили смутные очертания этого вечера.

Боже мой! Почему на следующее утро, едва я проснулся и увидел лежащую на полу сковородку и перевёрнутый стул, первой мыслью, промелькнувшей в измождённом мозгу, было: «Ну, зачем всё это?..»

Хроника № 4

Осень... Не за горами начало сезона и масса свободного времени, которое на первых порах не успеваешь забивать делами. Хотя какие там дела. Дом – работа, работа-дом, а в перерывах (в последнее время и без таковых) – пьянки, базары, шатания по городу...

Иду по парку, пинаю жёлто-красные листья и размышляю. Куда иду – не знаю. Тоска, неустроенность, безденежье, **пустота** – время от времени подобное наваливалось, но безболезненно и само собой отходило, теряясь в жизненном потоке. А сегодня совсем не вмоготу. Чёрт! Чего я достиг в этом осоловелом существовании?! Дебильной работы, где в пятьдесят лет, не успев выйти на пенсию, загнишься от алкоголизма или по пьянке вывалишься с пайол вниз! Доморощенных измышлений, которые любой, пусть не очень уважаемый (хотя таких не встречал), журнал спустит в общественном туалете не читая. Чего?!!

Вот так и иду, психуя, раздражаясь непонятно на кого и за что. Хотя, в принципе, всё ясно – мир не хочет понимать тебя. Старая история. Достаяю из кармана сигареты. Они закончились. Ну, всё против меня! Сел на скамейку, запахнул поплотнее куртку – ветрено. Сижу, жду «у моря погоды». Нажраться, что ли? С тоски. Не получится – денег нет, а занимать гордость не позволяет. Вот, попробуй понять после

всего этого загадочного русского человека. А вы дайте ему денег, водки и бабу приведите посисястей. Он за это не только свои загадки расскажет, но и ваши в два счёта решит, когда протрезвеет.

Кстати, о бабах. Может, тебе, Антоха, жениться, а? Найти какую-нибудь одинокую блондинистую по объявлениицу...

– Антоха! Комиссаров?!

Поднимаю угрюмую физиономию и что я вижу, господа?

Дима, Димочка, Диман. Точно, сегодня самый мерзкий день во всём моем несуразном житии, коль сей субъект Российской Федерации вновь появился в поле моего зрения. Самые большие несчастья, происходившие со мной, неразрывно связаны с ним. Диман вообще невезучий и всех, кто рядом с ним, автоматически постигает то же самое. А на вид паинька-мальчик, симпатичный, с усиками.

Лет семь назад, когда он устроился к нам и попал ко мне на вахту, ему было лет двадцать пять. Дело наше молодое, сработались быстро. У меня в ту пору джемперок моднявый был, просто отпад. Диман на него глаз положил. «Дай, – просит, – к подруге на день рождения сходить». Антоха добрый, Антоха отдал. И забыл ведь, что пропуск (а по тем временам за его потерю первый отдел, то есть местное отделение КГБ, сношало нещадно со всеми вытекающими последствиями) в кармане оставил. И что вы думаете? На обратной дороге домой его раздели до трусов и забрали все документы. На вахту Диман пришёл в каком-то драном комбинезоне, ото-

бранном у мирно спящего бомжа. Уж не знаю, что он там, на проходной, наплёл, чтобы пропустили, но явился. Утрата стоила мне многих моральных затрат, аж больничный брать пришлось.

Ладно, прошло и забылось. Пропуска новые выписали, джемпер другой купил. Однако Диму выгоняют из общаги: завалился пьяный к барышням-девственницам, приставал, но получил мощный отпор. Решив отомстить, заблевал тринадцать метров их жилой площади. Пожалел братка, пригласил к себе на месяцок, пока комнату не снимет. Первые два дня его не слышно – не видно было. А потом... Я на недельку в Псков уезжал – приобщиться к культуре. Он за это время завёл дружков у пивного ларька, вместе с ними выпил дома всё, что горит, продал всё, что можно продать, а остальное кто-то вынес, пока компашка валялась в отрубе.

Ух, как я зол был. Димкиных корешей за ноги из квартиры выносил, а его, если не исправится, пообещал выселить. Он, очухавшись, оценил степень урона, и кое-что даже вернул с зарплаты. Да и я оттаял потихоньку. Не век же на него зуб точить.

Димка после этого случая плотно за ум взялся. Пить завязал, халтуру где-то нашёл, с девчонкой серьёзной познакомился. От меня, естественно, съехал – комнату снял. Здесь стало спиртное из магазинов пропадать, а у него матушка с отчимом приторговывали втихаря зелёным змием. На него давно рукой махнули: мол, чего с дурака взять. Однако дело

разрасталось, ширилось, торговля бойко шла. Они его к себе в долю взяли. И за каких-то два месяца он полностью забил гардероб импортными шмотками от носков до кожаного плаща, завёл две сберегательные книжки, десяток подруг и личного венеролога.

Представляете размах по тем временам?

Объявился у меня весь с иголки, трезвый, одеколоном французским пахнет. Посидели, чайку погоняли, старое вспомнили. И Диман выдаёт напоследок такой перл:

– Хочу – говорит – машину покупать. Надо дело увеличивать. От родичей отделился, ищу себе компаньона. Пойдёшь?

– Да ты чего, – смеюсь, – ошизел? Это же криминал чистой воды. Я этих зон за семнадцать лет жизни на севере посмотрелся, а ты мне туда дорогу мостишь... Нет, не хочу.

Диман щурится, дымит «Честерфилдом».

– Там всё схвачено, – сообщает. – Ежемесячно отстёгиваю, чтобы лишний раз не трогали.

И тогда я понял, что его игра идёт козырными картами. «Ни фига себе – думаю – поднялся парень». А он предложил: «Давай по-другому сделаем. Будешь у меня в охране – по ночам всякое случается – и пятьдесят процентов у тебя в кармане. Ну, будешь там помогать, принести – отнести по мелочи...»

Предложение, конечно, заманчивое. Тем более, уже с полгода собирал деньги на заказную концертную гитару. А здесь

за месяц можно две купить, и кое-что в голову отложить из опыта, так сказать, жизни ночного города.

Так начался первый запой длиной на три месяца. Великий Кочегар по этому поводу говорил, что запоев у людей не бывает, потому что человек, попробовав однажды вкус просветления, всю последующую жизнь стремится к нему. И здесь я с ним согласен.

По стечению обстоятельств, в то лето с вахты меня не сняли на ремонт, как это обычно бывает с молодёжью, а перекинули в другую котельную вторым. Милое дело. Ответственности почти нет, нагрузка маленькая*, начальство в отпуске. Иной раз отпросишься у старшего – чего вдвоём у котла торчать в выходные – и на «пьяный угол», работать.

На самом деле, подобных углов в каждом районе пруд пруди. Но наш (приятно сказать «наш», ощущая себя частицей чего-то) являлся ещё и клубом пьяниц. Нет, что вы, пьяницей себя естественно, никто не считал. Ну что такое бутылка – две в день, в общей сложности. Разминка, тонус, создание приемлемого настроения. Ой, кого там только не встретишь! Каратистов, картёжников-профессионалов, модельеров, аспирантов с универом за плечами... Про такие скромные персоны, как оператор котельной или водитель троллейбуса я промолчу.

Расклад торговли вполне обычный, приемлемый всеми подобными структурами. Работают парами или тройками, поочередно предоставляя другим парам-тройкам «скиды-

вать» товар. Все толкуются в четырёх местах, в основном у углов домов, на тротуаре. У каждого по бутылке в рукаве и две за пазухой. По мере опустошения кто-то бежит к ближайшему складу – квартире или комнате.

А теперь о самой продукции. Где можно доставать спиртное в то время, когда везде за ним стоят километровые очереди и, заметьте, далеко не в каждом магазине? Оказывается, существует целая система, куда входят и продавцы госторговли, и грузчики, и водители. Но суть не в этом.

Обыватели «пьяного угла» разделены на две социальные группы. Одна – кто занимается этим для того, чтобы заниматься. Здесь бытует и острое общение, и выяснение физических преимуществ, и любовные интриги с совершенно неожиданными финалами, и ещё много чего такого, что может послужить сюжетом к длинному телесериалу.

Вторая группа – те, кто исключительно обогащается. Люди из неё малоразговорчивы, трезвы, франтоваты и наглы. Время от времени кое-кто из второй группы попадает в первую, но ни разу не заметил, чтобы было наоборот. Теперь можно представить, в какую среду я попал и каким моральным и физическим испытаниям подвергался в течение 92 дней.

Поначалу моё лицо хотели бить просто за то, что оно чужое и не покрыто синюшными пятнами – верным признаком частого употребления алкоголя. Когда первый круг знакомства прошёл (а это ни много ни мало сорок две бутылки вод-

ки и двадцать четыре креплёного вина по ноль семь), я получил разрешение обеих групп на право беспрепятственного нахождения на точке в любое время суток и при любой погоде. Но так как старший компаньон являлся на тот момент трезвенником, а я нет, то одна из сторон убеждала, что работать с трезвым компаньоном несерьёзно, мол, пора отделиться. А другая решительно отвергала поучения первой. Я же старался быть лояльным ко всем мнениям, но пил почёрному. В итоге дело дошло до того, что Диман работал в одиночку, а я на «наши» деньги имел всё, что хотел, и целыми днями и ночами валялся в снятой им комнате в отрубке. Такой психологической нагрузки он, конечно, не выдержал, и мы стали валяться вместе, пропивая всё, что можно, но уже из Димкиных вещей.

С работы я бы полетел с двумя тройками на горбу. Положение спас отпуск. Его-то как раз праздновали грандиозно, на все отпускные. Очнувшись после глубокого похмельного сна, я всё же отважился взглянуть в зеркало...

До сих пор без внутреннего содрогания не могу вспомнить этот эпизод. Даже примерно невозможно описать что я там увидел, но понял одно: пора рвать когти, иначе жизнь закончится в комнате с белыми стенами и потолком, где ты будешь сидеть на коне белой горячки.

В первый рабочий день после отпуска я уже уверенно себя чувствовал несмотря на боли в печёнке. Это не мешало, а скорее напоминало, из чего хватило сил вылезти. Диман за-

гудел на двадцать один день и был уволен. Правда, начальство сделало жест доброй воли, позволив написать заявление по собственному желанию, но это я узнал от Лёшки. С Димкой наши пути разошлись навсегда, предполагал я до нынешнего момента.

Диман обнимал за талии двух очаровашек лет двадцати вполне приятной внешности. Обе имели длинные ноги, прикрытые в самом-самом начале. «Подругам обеспечено воспаление придатков», – вторая, посетившая меня мысль.

– Ты чего здесь делаешь? – Диман отпускает девиц и присаживается рядом со мной – наглядное пособие для программы «Как живут в стране» – волосато-небритый, джинсово-мято-хмурый. И кожано-холено-золотобраслетно-жизнерадостный.

Я смотрю, как барышни садятся. Одна – блондинка – около меня, вторая – брюнетка – возле Димы, и лениво отвечаю: – Мечтаю о женитьбе.

Не могу же я вот так взять и рассказать о моих э... проблемах.

Дима весело ржёт. Смех у него не изменился, так и остался идиотским. Просмеявшись, достаёт гаванскую сигару, откусывает кончик и выплёвывает его в урну. Попадает.

– Не поверишь, – Диман прикуривает, – Наталка на тебя пальцем показала и сказала: «Я его хочу». А ты у нас, оказывается, о женитьбе мечтаешь... Ха-ха!..

Поворачиваюсь в сторону Наталки. Она спокойно берёт

мою руку в свою, мягкую и прохладную, с отличным маникюром подносит к финской куртке на синтепоне и прикладывает к сердцу, под левую грудь. Чувствую её истомную тяжесть и частое сердцебиение. У меня, похоже, уже такое же.

– Нравится? – смотрит она, хлопая невероятно пушистыми ресницами.

Диман просто в восторге от её вопроса и моей реакции. Он хлопает ладонями по своим коленкам, обтянутым «левайсами» за сто баков и комментирует:

– Предлагаю закинуться в мою фатеру и закатить междусобойчик с изысканными песнями лауреата Международного конкурса в Сан-Ремо господина Антона Комиссарова. Как? Звучит? То-то же! Ну, давай, давай, обнимай свою любимую половину и пошли, поехали, полетели истреблять гнусное настроение, навеянное промозглой Городской погодой!..

Первые полчаса, проведённые в его новой вишнёвой «девятке», я немел, задаваясь привычным, почти родным в последние два месяца, вопросом: «Интересно, чего же тогда я могу сделать и достичь?! Уж Дима-Димочка-Диман, разгильдяй по жизни, и тот катается на машине весь в золоте и с прицепом баб?!»

После шока курю, вникаю в шумы автомагнитолы и спрашиваю:

– Как же, Димка, всё произошло? Скинь с души бремя, похвастайся.

Не нужно быть знатоком человеческой психики. Ждал он этого вопроса, ой как ждал.

– Не торопись, ты. Всему своё время. Будет разговор. Отдышись, проникнись атмосферой... Ах, хороша Наталка, посмотри-ка! Так бы и скушал...

Весь мир сегодня перевернулся или я выпал в какое-то параллельное подпространство. Но это мои слова! Я ему об этом всегда твердил!

– Посмотри, ты, какая девка! – тычет он в ногу перстнем с брюликом на два карата.

Чего смотреть, я её и так мысленно поймел всюду, куда можно.

Квартира у него, конечно, соответствует. Всё последних моделей и модификаций – от вешалки в прихожей до ангелочков на обоях в спальне. Диман, как заправский домохозяин и вообще – «новый русский», быстренько отсылает барышень на кухню, а сам водит меня по комнатам, тыкает в пульты управления всяких там телевизоров, видеоманитов, музыкальных центров, попутно щебечет об удачных сделках с инофирмами; аж целых два контракта заключил. Впрочем, мне это ни о чём не говорит, и я, обессилив от изобилия и роскоши, просто заявляю:

– Диман, давай короче. Тащи бутылку и два стакана – будем разгоняться, а то пожар... – многозначительно провожу рукой по горлу.

Диман застывает, говорит «айн момент» и распахивает

дверцу бара.

Чего там только нет! Мартини трёх видов, шампанского – пяти, виски – четырёх, коньяки, ликёры «Мари Бризар» и «Айриш Мист». И водонька! Он кивает головой, показывая на стеклянную, разноцветную батарею: что?

– Сто грамм «Мари Бризар», сто грамм сливок, пятьдесят – апельсинового сока и семьдесят пять – водоньки. Ликёр мятный, водка русская. Всё смешать, лимон с сахаром на блюдечке. С золотой каёмочкой. Слабо?

«Ну – думаю – ошаршил. Ни в жизнь ему не справиться с моим заказом». Ничего подобного. Диман зовёт Люсю и в точности повторяет всё, что я сказал, а себе просит большой стакан клубничного сока.

Через десять минут, сидя на мягких креслах, посасываем трубочки в виде фунта стерлингов и говорим.

– ...И на чёрта мне сдалась такая жизнь?! – это он о нашей работе. – С утра встал, бегом на полусогнутых за проходную. Вечером домой, жрать готовить, к телевизору на два часа и спать...

– Всё не так уж плохо, – возражаю я. – Бывают и другие интересы.

– Да брось ты, – Диман хмурится. – Газеты читаешь?

– Нет, – отвечаю.

– Ну, радио, телевизор там... Вот и представь, как я раскрутился на всё, – он обводит руками ковры и мебель, – это.

– А конкретнее? – мне хочется знать, чего стоит его бла-

госостояние.

Диман ржёт.

– Ладно, скажу. Теперь уже можно. – Он молчит, а потом указывает на мой хрустальный бокал, который у меня в руках. – Всё очень просто, как говорит Макаревич. Спирт на заводе оптом, ларёк с «крышей», подвал для производства, тара по объявлению, а вода водопроводная...

– И как долго?

Диман поднимает палец вверх.

– Один год. За это время знакомства, подкупы, узнавание лазеек и... вполне официальный бизнес, как видишь.

– А душа, Дима, мораль, наконец... – коктейль потихоньку начинал своё дело.

– А ты, когда на углу бормотухой торговал, душу чувствовал? – его глаза за стёклами очков в золотой оправе стали ледяными.

– Да! Чёрт тебя раздери!.. Я согласился тогда из-за того, что хотел жизнь узнать со всех её необъятных сторон, понимаешь?! Это только ты думал, что я за барышом гонюсь...

Наши разгорающиеся прения прервали Люся и Наталка. Грациозно, словно лебеди, они внесли два больших овальных блюда. На одном находилась чёрная и красная икра в одинаковых розетках, ломти белого хлеба с фигурными кусочками масла, оливки и маслины, кета и горбуша (уж это могу отличить с закрытыми глазами), русский сервелат и швейцарская салями, голландский сыр. А также полуто-

ралитровая «Столичной» с запотевшими боками, окружённая тонкими гранёнными стопками. На втором дымилась картошка, присыпанная петрушкой, сельдереем и грецкими орехами, утка, спрятанная среди яблок, помидоры, сметана и майонез. И посуда – тарелки, вилки, ножи.

– О чём спор? – мягко спросила Люся, переставляя содержимое на стол.

Диман гладит её по заднице и, моментально сменив выражение лица, отвечает:

– Да всё нормально. Давно не виделись, а здесь появилась возможность завершить старый диалог.

– Может, не будем ворошить старое? – Наталка расположила утку в центре. – Давайте просто отдохнём.

– Женщина всегда мудра, – заключает Диман и откупоривает бутылку.

Первый тост покати́л за хозяина, как полагается в гостях и вообще в культурном обществе. Второй – за гостей, как принято там же. Третий – за женщин, потому что они, в конце концов, готовили закуску и вроде как ждали, что это будет замечено. Следующие два разогрели атмосферу до дружелюбной. Наталка пересела ко мне поближе и время от времени прижималась бедром. А я пялился на розовые кружевные трусики Люси, которые она непринуждённо демонстрировала, бросая томные недвусмысленные взгляды.

Диман почти не пил; его стопарь был едва пригублен. Сняв очки, он расфокусированным взглядом следил за мо-

ей мимикой, когда я рассказывал истории о братьях-кочегарах, и странно улыбался. Потом он что-то шепнул Люсе, и она вышла в смежную комнату. Не акцентируя внимания на подобных мелочах, я продолжал смаковать подробности и вдруг увидел, как Диман и Наталка заинтригованно смотрят поверх моей головы. Оборвав фразу на полуслове, медленно поворачиваюсь. И, как вы думаете, что же я там увидел, господа? Голая Люська прикрывалась двенадцатиструнной чёрной лакированной гитарой фирмы «Ибанес» с узким закруглённым грифом.

– Ха! – истошно заорал Диман. – Вот тебя и поймали, Антоха! Бери, пользуйся, играй, мать твою, выворачивай грешные души наизнанку!

Гитара переключалась ко мне, а Люська – к Диману. При этом она раздвинула ноги, на мгновение, для вкуса. Ну, как можно петь о чём-то возвышенном?

Подстроив инструмент (можете себе представить, **как** звучит отличная гитара в умелых руках?), я всё же слабал. Такую балладу вточил на двадцать две минуты. О, да! Это неопишимо, господа.

Под последний аккорд плакали все четверо; Диман и Люська обнявшись. Наталка, опрокинувшись на спинку дивана. А я, словно гордый орёл, сам с собой. Оттого что стало грустно. Бывает, здесь ничего не поделаешь.

Димка молча встал, пошарил рукой под столиком, вытащил капсулу из-под сигары. Отвинтил пробку и сыпанул на

руку белого порошка. Заткнул одну ноздрю, а другой со свистом втянул в себя крахмальную кучку, зажался, и минуты две сидел, не шевелясь.

– Всё, девчонки, давайте в ванну, – он убрал капсулу на место.

Наталка и Люся удалились.

– Давно на этом сидишь? – спросил я, отставляя гитару.

Давно. – Ответил Диман, надевая очки и становясь серьёзным. – Знатная штучка. Вот такие дела, Антоха... Ты, в общем, на меня не смотри, – Диман подходит к телевизору, включает его, видеомагнитофон и достаёт кассету, – развлекайся с Наталкой. А будет скучно – заходи к нам, – сверкнув очками уходит в спальню и, закрывает за собой дверь.

Вскоре туда же, шелестя махровым халатом, проплывает Люся, мельком взглянув на экран телевизора; там западная плейбойша обрабатывает двух волосатых суперменов. Наливаю себе водки на три пальца и залпом опрокидываю внутрь: «Пусть, – думаю, – мне будет хуже».

– Нельзя так много пить, Антоша, – говорит Наталка, подсаживаясь ко мне. – Можно желудок сжечь и печень посадить.

Она говорит, а с воздухом к моему носу приносятся немислимые ароматы парфюмерии, аж до мурашек пробирает.

– Ты чем занимаешься? – спрашивает Наталка.

– Закусываю, – отправляю в рот маслину.

Она смеётся.

– Я не сейчас имею в виду, а вообще, – по жизни.

– Антропогнозией, физиогнозией, космогнозией и теогнозией, – это мой обычный ответ для не очень знакомых людей.

– Это в свободное от работы время? – никак не реагирует Наталка. Ей, похоже, до лампочки, чем я занимаюсь.

– Это вообще во время всего.

– А на гитаре давно играешь?

– Лет сто. Может, и больше. С каждым годом всё труднее считать становится – склероз, – показываю себе на макушку.

Здесь она рассмеялась надолго.

– А с тобой легко, – успокоившись и став необычайно строгой, говорит она. – Сейчас редко таких людей встретишь...

И после этого я растаял; не зря всё утро в голове вертелись сумасбродные мысли. Будто кони-скакуны понесли из меня всё наболевшее и тяготившее; и про одиночество своё рассказал, и про неудачи творческие, и коллег-пьяниц упомянул, кризис душевный, и на жизнь опостылевшую пожаловался, как на духу. Долго трепался, аж осип. И что же вижу? Сидит себе голая Наталка, ногой болтает, взгляд далёкий и туманный в порнографию Димкину вперился. И самое главное – не усмотрел на каком месте она меня слушать перестала. Наливаю на два пальца, чтобы по норме, выпиваю, и вместе с жжением в пищеводе находит некое такое подо-

зреньице.

– А ты, – спрашиваю, потому что хочу развеять это самое подозреньице, – чем занимаешься?

Она прямо не ответила. Помялась сначала, для порядка, но желание клиента, как нам известно, закон.

– ...Раньше таких, как я называли гетерами.

– Это – проститутка, что ли? – Выпалил я.

Наталка вроде как обиделась, но быстро отошла.

– Проститутка – это когда сунул, вынул, заплатил и пошёл. А я должна твои бредни выслушать, жрать приготовить, да после всего этого ещё и ножки раздвинуть, – она сгримасничала и налила себе водки. На три пальца минимум.

– Ясно, – говорю, – теперь всё ясно.

Вламываюсь в спальню. Диман лежит на кровати, раскинув волосатые тощие ноги, а над ним склонилась Люська.

– Диман, что за дела?

Оба отрываются от наслаждения. Диману надо отдать должное – не дёрнулся, не вскочил, лишь приоткрыл глаза.

– Люсенька, не отвлекайся, – и кладёт ей руку на шею.

– Чего ты орёшь, как ненормальный, всё наслаждение сгнишь...

– Да наплевать на твой наслаждение! Ты считаешь, что я за деньги буду?!

– Ой, Антоха, если тебя это волнует, то за всё уже заплачено. Иди и занимайся любовью, не гневи Наталку. Она с третьего раза согласилась с тобой спать. Иди...

– Это и за мои песни заплачено, и за слёзы?! – разгораюсь я.

– Да брось ты... – Диман снова закрывает глаза. – Жалко тебе, что ли?

– Ну и сволочь же ты! – Говорю и чувствую, что грязно и подло обманут. Что-то нечистое с самого начала было во всём, какая-то фальшивинка, огрешинка.

Плюнуть бы на всё это да позабавиться как следует, но что-то выиграло во мне, взбеленилось супротив холеного блага и красивых тел. И ушёл, хлопнув дверью напоследок так, что в парадной стёкла звякнули.

Посидел на деревянной скамейке, покурил Димкиных сигарет. И нет, чтобы успокоиться, так словно бес попутал или кто там у них, вернулся «блудный сын», раздавать авансы пришёл.

Наталка по-прежнему сидела на диване, разглядывая почти пустую бутылку «Столичной». На меня даже не посмотрела. Молча подойдя, я расстегнул штаны, спустил до колена и, как это говорится в Камасутре: «партнёрша на локтях и коленях, а партнёр, стоя сзади», сделал своё дело.

Наталка не сопротивлялась; лишь тихо постанывала, причитая пьяным плаксивым речитативом: «Ну и падлы же вы, мужики, козлы противные... Ну и падлы... Ну и козлы...». А потом, чтобы хоть как-то подавить противную, липкую гадливость к себе и к миру, который олицетворял Диман, с размаху саданул «Ибанесом» о стенку – только щепки полетели.

Кинул остатки в дверь спальни и теперь уже окончательно ушёл, скрипя зубами до боли в дёснах.

Прав был Великий Кочегар, говоря, что если находишься не в ладу сам с собой, то не найдёшь его нигде: ни в друзьях, ни на работе, ни в женщинах. «Они лишь временно будут помогать тебе и только до тех пор, пока сами балансируют на грани равновесия. А потом, сорвавшись, перестанут понимать тебя. Не ты первый, не ты последний».

Всю дорогу до дома пройдя пешком, я тщательно пытался успокоиться, как-то оправдаться в собственных глазах и почти протрезвел. Всё бы хорошо, но, зайдя в квартиру, первое что увидел – лужа на полу, в которую медленно капало с потолка. Исполнившись решимости кого-нибудь отправить на тот, как представляется, лучший свет, я взлетел по лестничному пролёту к квартире, расположенной надо мной. Дверь туда болталась сквозняком. Возможно, это удержало меня от кровопролития, потому что, беспрепятственно проникнув на чужую территорию, я подумал: залезли воры и второпях кое-что опрокинули. Но увидел, однако, следующую картину.

Посередине комнаты располагалась старая оцинкованная ванна, доверху наполненная водой и забитая пол-литровыми бутылками. Рядом стояла шеренга литровых полных. Этикетки говорили, что это спирт «Онежский» и «Роял». Несколько бутылок было опрокинуто. Далее валялись пластиковые пятилитровые канистры, неровные стопки этике-

ток от водки, картонный ящик с крышками-бескозырками и, похоже, две закатывающие машинки – прямо производство по розливу алкогольных напитков. В углу, на полутораспальной тахте без ножек возлегли двое; кто именно мужчины или женщины, разобрать не удалось, но нога в дырявом носке одного (или одной?) из них упиралась в опрокинутую канистру, из которой ещё сочилось. Быстро подняв её, я на всякий случай заглянул в ванну – там тоже были одни пустые бутылки. Незамедлительно рванул к себе, не забыв захлопнуть чужую дверь – пусть отдыхают спокойно. И только подойдя поближе к образовавшейся луже, наконец-то понял, **что** капало с потолка. Подставив банку, благо далеко ходить не надо, я поимел грамм так четыреста чистейшего халявного спирта, причём прошедшего очистку через известняковый фильтр.

Убирая остатки потопа, во мне уже смаковал пиршество Некто, которого до сегодняшнего дня я не знал. После контрастного душа он пил чай со спиртом на лоджии и плакал, натурально, навзрыд, сморкаясь и всхлипывая. А я, уничтоженный и попраный, затаившись, наблюдал, понимая, что это одно и то же существо, которое все привыкли звать Антоном. Переправив четверть имеющегося спирта в организм, я выключился прямо на плиточном полу, заиклившись на мысли, что скоро получка и неплохо бы сходить с ребятами в баню.

Хроника № 5

Солнце, играя на позолоченных куполах Никольской церкви, ласкало небосвод своими лучами, но уже не грело. Опавшие листья багряными осколками дополняли палитру поздней осени и навевали лёгкую меланхолию. Ветерок, проскользнув между оголённых ветвей гордых деревьев, расшевелил несколько оранжевых куч, собранных накануне дворниками, и подхватив наиболее понравившиеся листья, бросил их в канал.

Облюбовав скамейку посередине аллеи, мы умиротворённо наполняли свои лёгкие табачным дымом, не забывая, естественно, о желудке, который в произвольной последовательности впитывал нарезанную колбаску, кусочки хлеба, рыбу холодного копчения и, конечно же, водочку.

Редкие прохожие относились к подобной картинке с пониманием, а некоторые и с явной симпатией, так как многие в этом районе знали, что сегодня «день адмиралтейца», то есть получка. И после трудового, наполненного суетой и физической работой, дня нормальные мужики имеют полное моральное право расслабиться и опрокинуть стаканчик какого-нибудь благородного напитка.

– Лёша, наливай поменьше. Я такими дозами не привык, – в третий раз попросил я и в несколько глотков опустошил стаканчик.

– Хорошо. В следующий раз поменьше будет, – снова согласился со мной Лёшка и налил Сане.

Шурик лёгким движением руки, почти мановением, поднёс стаканчик к губам, резко перевернул его и вернул.

Я часто слышал фразу «и ни один мускул не дрогнул на его лице», но постичь всю её глубину и содержательность мне помогли именно такие профессионалы (в самом хорошем смысле этого слова) питания. Я специально пробовал пить холодный чай перед зеркалом – никакого эффекта. И кадык двигается, и подбородок провисает, и щёки растягиваются. А здесь даже веки не шевельнулись, – взгляд как был прикован к Николе, так и остался. Грамм девяносто за раз.

– Санек, ты хоть вкус чувствуешь, когда пьёшь?

– А как же, – растягивая гласные, отвечает Шура и, протянув ладонь (раза в полтора больше моей), выбирает бутерброд потолще. – Приятная водочка.

– Ты её как воду...

– Ну, с моим-то опытом...

Надо признать, что опыт у него действительно богатый. Саша, как почти всё старшее поколение кочегаров, пришёл на котельный участок с флота, где честно отходил десять лет: сначала матросом, а потом «сундуком». Воспитанный на «шиле», одеколоне и браге из пожарных огнетушителей, он имел полное право считаться специалистом в этом немаловажном для русского человека занятии.

Санек, как опытный скалолаз, медленно, но верно дохо-

дил до своих высот, и казалось, что делает это только ради одного – из-за облаков выглянуть на уже далёкий, живущий собственной жизнью, океан. Взглянуть, улыбнуться своим мыслям и вернуться к нам, сухопутным.

Лёха же, пройдя три года срочной и вернувшись высоким, спортивного вида старшиной второй статьи, в совершенстве изучив машинное отделение крейсера «Жгучий», не смог с таким успехом постичь премудрость застолья и поэтому достигал финишной черты со скоростью спринтера. Говорят, что когда он не был мастером, то не пил вообще. Бегал на заводских спартакиадах, ходил на лыжах марафон и тягал штангу... Всё это в далёком прошлом, и я, зная своего мастера уже много-много лет, редко вижу его не пьяным или не с похмелья.

– Интересно, есть Бог или нет? – созерцание куполов настроило Саньку на определённые размышления.

– Нет! – Лёшка, поддав, становился не в меру категоричным, когда дело касалось потустороннего, работы и женщин. – Экстрасенсы есть, колдуны есть. Бога – нет.

– А зачем тебе-то это, Санек? – Я тоже смотрел на купола.

– Как зачем? Грешу я или не грешу? Чего душа моя хочет, что мечется, как прокажённая? Если нет Бога, то и её, курвы, тоже нет. Значит, со всеми остальными я как-нибудь разберусь. А если есть... – он замолчал.

– Ладно, мужики, давайте по – последней и по домам, – Алексей протянул мне стакан.

– Лёшка, я же просил поменьше! – Вздохнул я. – Не пью я по столько, ёлки-палки!

– Как скажешь. – Не стал спорить Лёша. – В другой раз поменьше будет.

– Куда торопиться – это, Санек не насчёт «по – последней», а относительно «по домам». – Антоха, сгоняй за мэтром.

– Сейчас зажую только.

– А зачем церкви тогда, если Бога нет? – Саню не оставляла мысль «разобраться в себе» но, что ответил Лёшка я расслышать не успел.

Ларьки, в которых продавались четвертинки, поллитровки и мэтры, надёжно расположились на площадке за Ново-никольским мостом, перекинувшем своё тело через Крюков канал, куда я и направился лёгкой покачивающейся походкой.

Не знаю почему, но настроение в эти минуты у меня было прескверное. Может быть, вопрос, заданный Саней совершенно не ко времени и не к месту, нарушил внутреннее спокойствие, только-только навеянное осенью. Или осознание того, что я совершенно не нужен здесь, в компании чужих мне людей, с которыми, если и связывает что-то – это необходимость отрабатывать добровольно-принудительную повинность за проходной.

А, может быть, чувствовалось, что желание расслабиться и испытать новое и приятное, скорее всего, опять закончит-

ся головной болью. В такие мгновения я страстно жаждал войти в храм, упасть на колени перед иконой Божьей Матери и, размазывая по щекам слезы, пожаловаться ей на всю свою жизнь. Но, будучи пьяным, сделать этого не мог по каким-то моральным соображениям, а трезвому эта мысль казалась неискренней. Сразу вспоминался разговор с одним «голубым» музыкантом, некоторое время певшим в церковном хоре.

– Знаешь, – нежно ворковал он, куря на лоджии и стыдливо глядя в мои глаза, – сейчас столько геев среди священнослужителей. Эта профессия входит в тройку лидирующих, вместе с врачами и учителями.

– А как же танцоры балета?

– Ну... Это – элита.

– Тебе что, предложения делали в храме?

– Нет, но я в таких вопросах психолог. Голубых сразу видно... – и смущённо улыбался.

Очень хочется думать, что психолог из него никудышный, но всё равно неприятно...

Зажав под мышкой бутылку «Фанты» и прижимая свободной рукой литр «России», уютно спрятавшейся в кармане плаща, я возвращался к своим собутыльникам. Они ожидали на прежнем месте, но что-то в их позах заставило насторожиться. «Поругались, что ли?» – подумал я.

Саня, краешком глаза заметив моё появление, постучал ладонью по скамейке и прижал палец к губам. «Садись быст-

ро, только тихо», – расшифровал я.

– Что случилось?

Лёха кивком головы указал на зажатую между двумя толстыми тополями скамейку.

– Что делает, подлец, а? – возмущённо произнёс он.

Проследив за их взглядами, я обнаружил сухощавого мужика лет сорока в клетчатой расстёгнутой рубашке. Посмотрев ниже, я обнаружил также, что он расстегнул не только рубашку, но и свои выдавшие виды джинсы и, спустив их ниже колен, сверкая волосатой задницей, чем испохабил всю прелесть осеннего пейзажа, вьюном вертелся вокруг лежавшей на скамейке дамы неопределённого возраста. Признаться, подобное порождало во мне не очень приятные воспоминания.

– Ты только ушёл, как он эту... – Лёша запнулся, – прихлоп и всё старается примоститься поудобнее.

– И что?

– Пока не выходит. И сзади пробует, и спереди, стервец...

Мужчина, не обращая внимания на робкие потуги своей подруги, избежать определённого процесса, пристроился сзади и стал дёргаться. Сашка плюнул.

– Давай, Антоха, наливай. Нечего на эту мразь пялиться.

Лёша по-хозяйски отобрал бутылку и, изредка бросая взгляд на скамейку с совокупающимися, налил в стакан.

Мужичек тем временем издал победный возглас и, не обращая внимания на свою партнёршу, стал одеваться. Вид он

имел удовлетворённый и, можно сказать, счастливый. Подняв с пожухлой травы куртку пепельно-бурого цвета, он застегнулся. Бросая по сторонам взгляды, вышел на середину аллеи, держа курс прямо к нам.

– Если что-нибудь скажет, то я его... – Саня опрокинул в рот содержимое стаканчика.

– Шурик, только покультурнее, хорошо?

Шурик что-то пробормотал.

– Му-зы-ки, – этот кобель ещё и буквы не выговаривал, – дайте закурить. Так хочется, аз всё тело цесется.

– Пшёл, гад, отсюда, – Саша был сама вежливость. – Ты, козлина, хоть видишь, где бл...м занимаешься?

– Ты сто? – «козлина» оторопел.

– Я тебе сейчас покажу – «сто».

Саня, не вставая со скамейки, умудрился развернуть его левой рукой, а правой ногой придать ускорение по тому самому месту, что недавно сверкало на фоне куполов.

– Ах так, да?! Ну я вам сейчас...

– Пшёл, я сказал!

Мужичек, возмущённо подпрыгивая, побежал к ларькам.

– Всё-таки нет Бога, видно. – Санек накрыл пятернёй хвостик рыбы, – если каждая мразь может подрезать твоей душе крылья, когда она только-только взлететь хочет.

– Не обращай внимания, Шура, – я принял от Лёши стаканчик. – Это же фантик. Это – нормально... Бабу жалко, замёрзнет... Может сходить, посмотреть?

– Не вздумай. Замёрзнет – оденется. Ты пей давай...

– Чего вы так рассердились, ребята? – пережёвывая колбасу, я задумчиво вглядывался в пустой стакан. – А может, им негде. Сколько сейчас бомжей...

– Да при чём здесь «негде»? – Саня поморщился. – Пусть они хоть на деревьях е...! Но я сейчас похороны Великого Кочегара вспомнил: как он там теперь, наверху? А здесь этот...

– Этот? – Лёха остекленевшими глазами всматривался в подходивших к нам потёртого и небритого вида личностей. Предводительствовал данным отрядом «специального назначения» в количестве четырёх бойцов недавний знакомый.

Надо заметить, что по мере приближения к нашему застолью, темп и справедливый гнев их стихал, поскольку одно дело, как я понимаю, услышать: «да их всего трое», а другое – лицезреть совершенно спокойных мужиков, двое из которых почти квадратные и имеют не меньше центнера живой плоти.

– Вот этот меня обидел, – было указано на Саню.

– Ты ещё здесь? – Шурик поднялся. – Я же сказал: пшёл отсюда, – и увесистым пинком, правда, левой ноги, подтвердил своё желание не вступать в диспуты с кем бы то ни было.

– Не, вы видели?! Он меня опять пнул, а, музыки!

– Ты это... зачем человека обижаешь? – мужики, держась на почтительной дистанции, сделали попытку прояснить си-

туацию.

Саня прищурился.

– Ещё вопросы?

Этот вполне приличный диалог совершенно испортил Лёшка. Слегка покачиваясь, совершая одному ему понятные движения руками так, что можно было принять его либо за тяжелобольного из «жёлтого дома», либо за начинающего кунг-фуиста из «школы пьяницы», он сделал несколько шагов навстречу оторопевшим борцам за справедливость и, сжав кулак, грозно изрёк:

– Сейчас морду бить буду!

Больше всего я не люблю, когда выяснения отношений переходят в изучение слабых физиологических мест в противнике путём надавливаний с различной физической силой. Поэтому, быстро вскочив (относительно быстро, разумеется), я вклинился между ними.

– Спокойно, ребята, спокойно. Это ваш друг? – я указал на обиженного.

– Да нет, вообще-то, – мужики, видя такой поворот дела, пошли на попятную. – Но человек хороший. Участковым врачом работает...

– Значит, будем бить морду! – Лёша, похоже, слегка зациклился, что означало несомненную близость его финишной черты.

– А зачем вы тогда пришли?.. А! Он пообещал что-нибудь, да? – Внезапно догадался я.

– Литр, – грустно подтвердил самый низенький и вздохнул.

– Ну и хорошо. Здоровьем своим вы уже рискнули, так что я думаю, вполне заслужили некоторое количество микстуры... сорокоградусной. А поскольку он, – я кивнул в сторону нанимателя, – врач, тем более хороший мужик, то он вам сейчас выпишет. И будем считать, что инцидент исчерпан, ладушки?

На их физиономиях моментально отпечатались невероятная усталость и твёрдая уверенность в том, что с доктором они сумеют договориться. Похоже, что это понял и сам потерпевший, ибо, в ответ на жаждущие взгляды, он кивнул, скорчив гримасу невероятного страдания.

– Только бабу с собой заберите, – вставил своё хозяйское слово Шура.

– А то...

– Давайте, давайте, ребята. С Богом, – Перебил я Лёшика, и мы снова остались втроём.

Испытывая лёгкое возбуждение и приятную удовлетворённость от выполненной миролюбивой миссии, чтобы полностью разрядить обстановку, я предложил бахнуть (по чуть-чуть, Санек, не торопясь) и закусить. Лёша, посоловевшими глазами долго и упорно всматриваясь в моё лицо, соизволил кивнуть и почему-то склонился к другому краю скамейки. Услышав характерные звуки, сопровождающие известные внутренние позывы, которые можно назвать лёгким очи-

щением, мы с Саней поняли, что Алексей наконец-то дошёл до своей стадии освобождения от фантомов.

– Так, этому больше не наливаем, – Саня протянул стаканчик мне.

– Как это?! – Лёша поднялся и, вытирая губы, удивлённо посмотрел на Шурика. – Я в порядке.

– Тогда нальём. Антоха, знаешь за что Пушкина убили?

Я знал. Выпив и закулив (закуски почему-то совсем не осталось), мы сосредоточенно всматривались в сгущающиеся сумерки. Каждый думал о своём.

– Всё... – Лёшка попытался подняться. – По последней и домой.

– По последней, так по последней, – Саня разлил. – Антоха, давай... Эй! Ты пить будешь или...

Надвигающаяся темнота всё больше и больше манила моё тело в головокружительную карусель. Очувтившись в ней, я, стоя одной ногой на голубом с белёсыми прожилками шарике, балансировал в абсолютном вакууме. Мимо, размахивая ножами, проходили небритые женщины, дружно крутя дынеподобными ягодицами, и выкрикивали отвратительные, пошлые лозунги о величии матриархата. За ними, печатая шаг, топали длиннохвостые медведицы с алюминиевыми ковшиками в зубастых пастях. Стройные, мускулистые охотники разбегались, побросав свои арбалеты...

Устав от этой фантазмагии, я взлетел вверх и, сделав несколько сальто-мортале, избегая столкновений с осклиз-

лыми звёздами, сметая своим дыханием планеты, улетел за несколько мегапарсеков. Не стучась, ворвался в фешенебельный коттедж, уютно расположенный где-то в потаённом уголке Галактики. Великий Кочегар, как всегда, попивал водочку. Правда, в одиночестве.

– Как дела, Антоша? – Ласково спросил он. – Выпьешь пятьдесят грамм?

– Прости, Великий, – я засмутился. – Я бросил.

– Как бросил? – Великий удивился. – Наверное, у тебя большие неприятности? Давай, рассказывай.

– А что рассказывать... Устал я, Великий... Очень устал. Плохо мне...

– Отчего же ты так устал, Антошечка? – Кочегар наклонился и достал из-под огромного кактуса трёхлитровую банку с маринованными бананами. – Может, выпьешь всё-таки?..

– Не могу. Завязал.

– Раз завязал – ступай с миром, Антон Борисович. Непьющим у меня делать нечего, – и отвернулся.

Страшные, заросшие рыжей шерстью лапы подхватили моё тело и под сатанинский хохот выбросили из коттеджа, предварительно раскрутив и пощипав. Падая в ужасную пустоту, я почувствовал, что становлюсь всё меньше и меньше, меньше и меньше...

Первое, что я увидел, открыв глаза, была наволочка, из-под которой выглядывало сиротливое пёрышко. Окутываю-

щая подушку, белая и чистая, она возлежала на чуть ли не накрахмаленной простыне, на которой, раскинув руки, расположилось моё тело. Подняв голову, я узрел длинный ряд лежанок, на коих спали, ворочались и сидели совершенно незнакомые мне люди.

– Э...э... Где это?.. – услышал я себя со стороны.

– Всё нормально, Антоха, – голос показался мне знакомым, – мы в вытрезвоне.

Я сел.

– Санек? – сказать, что я ничего не понимал – ничего не сказать. – Как в вытрезвоне?

– Да, как обычно, – Шура сидел по-турецки на рвотно-го цвета одеяле. – Подъехали, вышли и сменили. Я не хотел, вообще-то, но понимаешь, дубинки такие, – Санек потёр бок, – убедительные. Вас под ручки, меня под задницу и с комфортом сюда.

– А Лёшка где? – ситуация начала проясняться и в памяти промелькнули улыбающиеся физиономии, коридор и ещё что-то.

– Дрыхнет, – Саня указал влево через пять кроватей от себя. Я узрел знаменитые Лешкины семейники в красный цветочек.

– И что теперь будет? – впервые оказавшись в таком знаменитом учреждении, я даже слегка протрезвел. – Домой-то отпустят или на пятнадцать суток?

– Сейчас на пятнашку не берут, – коренастенький муж-

чина с лёгкой сединой в волосах и татуировкой пантеры на плече улыбнулся. – Деньги при вас были?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.